

18+

Юрий КАРАНИН

Л
У
Ч
Ч
И
К

Книга первая

Холодное
Солнце
Драмы
часть 1

Юрий КАРАНИН

**ЛУЧНИК. Книга 1. Холодное
Солнце Драмины. Часть 1**

«Издательские решения»

КАРАНИН Ю. С.

ЛУЧНИК. Книга 1. Холодное Солнце Драмины. Часть 1 /
Ю. С. КАРАНИН — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984064-6

Что вы знаете про Мечи Бога Гефеста? А про Петлю Времени? Ничего? Непорядок, конечно, но и потомственной ведунье Даугратинье не все известно. А про трех богатырей? Согласен, мелковат Лучник по сравнению со своими соратниками. И меч у него невелик, и кольчуга не такая... Только, придется этой Троице на битву ратную выйти. Книги серии «Лучник»: «ХОЛОДНОЕ СОЛНЦЕ ДРАМИНЫ», «Лабиринт», «В паутине Зеркал», «Любый мой», «Под созвездием Волка». Дизайн обложек — Сара Ковтун (Познань, Польша).

ISBN 978-5-44-984064-6

© КАРАНИН Ю. С.
© Издательские решения

Содержание

Почти предисловие	11
глава первая	15
ПРИШЛА ПОРА ОТВЕЧАТЬ	15
Глава вторая	21
ОХ, ЛИЛИТ, ЛИЛИТ!	21
Глава третья	23
А ЗАВТРА НАЧАЛОСЬ УЖЕ ВЧЕРА	23
1. Суд	24
2. О чем грустим, корешок?	27
3. Воррн	35
4. Драмина – на пеленге	37
Глава четвертая	44
ДРАМИНА – ЭТО ДРАМА?	44
1. Тревожное пробуждение	45
2. Боль	49
3. Кровь и боль Ильпа	56
4. Последние часы Корна	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

ЛУЧНИК. Книга 1.

Холодное Солнце Драмины

Часть 1

Юрий Сергеевич КАРАНИН

© Юрий Сергеевич КАРАНИН, 2020

ISBN 978-5-4498-4064-6 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-4031-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

лучник

Книга первая

Холодное Солнце Драмины

Часть первая

«Лабиринт Боевой. – Магическое, ментальное, либо ментально-магическое оружие Древности. В настоящее время знания о нем практически утеряны». Полная Энциклопедия исторических знаний Конфедерации

Том 31. Стр. 311

1.

Стройный, физически развитый юноша зачарованно всматривался в бесконечные просторы быстро бегущей под рейдером зелени. Он впервые видел планету с такой высоты, – и мир, в котором он провел всю свою жизнь, предстал пред ним совсем в другом цвете. И, вообще, весь мир оказался другим, и совсем не таким, о каком рассказывали учителя. С тех пор, как погиб отец, и семья, гонимая всеми и вся, перекочевала сначала на берег, а потом и на остров, юноша не видел других людей. «Да это и ни к чему, – Учили старшие, – чужие люди приносят только зло». Но жизнь мальчика всегда была нелегкой, – съестной промысел зависит от многих вещей, но он обязан был обеспечить семью едой. А рыба, которой, в основном, и снабжал семью юноша, тоже подчинялась своим законам. Бывали дни, когда не удавалось поймать достаточное количество рыбы, – тогда он ложился спать голодным. Мать подсовывала ему свои куски, но брать их он стеснялся, ведь тогда сама мать ляжет спать голодной. Семья в другом, Чужом, мире считалась бунтарской, и потому с внешним миром имела только слабые коммерческие отношения: все, что считалось излишеством, менялось на, чаще всего, невыгодных условиях, на то, что может прокормить, или одеть семью. Слава Творцу, что работников, способных ловить рыбу в море, становилось все меньше, а после гибели отца рыбы стало значительно больше. Но, все равно, прошло с той поры, пожалуй, семь зим, прежде чем ему было позволено распоряжаться своим свободным временем. Но свобода очень скоро стала напоминать неволю. Он любил читать, но те три книжки, которые были у матери, он знал наизусть. Он любил рисовать, но очень быстро не осталось ни одного свободного клочка бумаги. Осталась всего одна отдушина для тоскующей души, – гора, которая выросла на острове, как говорят, всего за два года, после того, как погиб отец.

Подъем на гору всегда был труден, но так разрывается от радости сердце, когда оказываешься на ее вершине! И все чаще приходит желание покинуть все больше и больше чужую семью.

С этой-то горы он однажды и увидел того человека. Если вы думаете, что Страт испугался, то вы не знаете Страта. Еще совсем маленького отец начал приучать его к смелости. Много позже Страт узнал, почему его так готовил отец. Потому, что сам всегда и всего боялся, и не хотел, чтобы таким же стал и Страт. А, когда отец уходил, чтобы «бездарно погибнуть», как упрекнул его новый глава семьи, он очень просил Страта, чтобы сын продолжал тренировать свою смелость. И Страт сдержал слово.

Брог, новый избранный глава семьи, быстро поменял мать Страта на молодую, хоть, и совсем неопытную, женщину Каю. Мать с этим почему-то слишком легко смирилась, словно и не она когда-то скрепила семью – десятка два человек, сбежавших от тягот жизни. После этого жизнь Страта стала совсем тяжелой. Кая не любила Брома, ее больше привлекали молодые и сильные самцы, – поэтому с самого первого дня она начала бесстыдно преследовать Страта: при каждом удобном, а порой, и неудобном, случае она ненасытно набрасывалась на Страта, пытаясь его соблазнить. Брог не мог, в конце концов, этого не заметить, и потому постоянно искал предлог, чтобы устранить Страта из дома. Страт и сам, опасаясь гнева Брома, старался не задерживаться в опостылевшем шалаше. Он все чаще и чаще уходил на гору, туда, где мог без помех помечтать о другой жизни. Иногда с ним уходила и мать. Мать-то и заметила, что кто-то невидимый рубит лес. И площадь вырубki с каждым днем росла.

Уже на следующий день Страт поднялся на самую вершину горы, с которой и увидел человека, целый день и, казалось, без усталости вырубавшего дикую поросль в саталовом лесу, – и это стало Страту большой загадкой. И мать, и другие взрослые предупреждали, что к саталовому лесу близко подходить очень опасно, а тем более, входить в него. Немало человек из семьи, рискнувших ослушаться запрета, сгнули под его кронами. Но тот человек ведь как-то туда прошел?

На второй, нет, пожалуй, на третий день, Страт спустился к этому человеку. И лес, на удивление, впустил Страта беспрепятственно. А вот человек отнесся к Страту с полным равнодушием. Вернее, он, – как-то, виновато, – улыбнулся Страту, и сразу же принялся за свою работу. Страт не привык бездельничать, когда трудятся другие, поэтому он, не спрашивая согласия, принялся оттаскивать к выходу срубленные деревья. Человек благодарно улыбнулся, и работа продолжилась. В конце концов, Страт просто валился с ног от усталости, а человек продолжал и продолжал рубить деревья, как ни в чем не бывало.

На следующий, а потом еще один день, и еще ..., все повторилось. Человек рубил деревья, Страт оттаскивал, человек рубил, Страт оттаскивал. Иногда человек протягивал Страту фляжку странного питья, после одного – двух глотков которого быстро проходила усталость.

После третьего дня Страт сказал матери, что в деревню больше не вернется. Конечно, Брог, узнав такую новость, взъярился и замахнулся на мать.

– Еще раз себе такое позволишь, – Перехватил его руку Страт, – Я тебя убью.

Брог зло вырвал руку из захвата и ушел, не сказав ни слова.

Так Страт и поселился в саталовом лесу. Неизвестно, чем питался человек до этого, но, когда мать стала готовить им еду, и человек от нее не отказывался. Жадно съев свою порцию, он аккуратно подчищал тарелку оставшимся куском хлеба, и все время благодарно улыбался. Ни одного слова он так и не произнес.

Каждое утро, когда Страт просыпался, – а просыпался он, по обыкновению своему, с первыми лучами восходящего Светила, – человека в шалаше уже не было, а из леса доносились размеренные удары топора, и завершалась работа тогда, когда уже нельзя было различать стволы деревьев. В отличие от прошлого времени, – а оно для Страта закончилось одновременно с известием о гибели отца, – Светило теперь и вставало раньше, и ложилось на покой позже. И зимы после этого стали более короткими и менее холодными. Правда, в лесу время его царствования значительно сужалось. А лес, действительно, был немного странноват. Ни птицы, ни зверя в нем, похоже, не водилось. Да, и трава в нем была совершенно иная, скорее,

цветы, а не трава, – словно крохотные осколки упавшего в лес неба. Но Страту становилось немного жутковато, стоило углубиться в лес всего на десяток шагов. А еще удивляла замечательная особенность этих красивых стройных деревьев. Узнал Страт о ней в дни затяжной непогоды. Признаться, он уже решил, было, что вернулся ледниковый период: по утрам сильно холодало, да и днем было не намного легче. Но нежные на ощупь стволы были удивительно теплы. Смушало одно: эта теплота не была ни злой, ни доброй, ни пугающей, ни приветливой. Она была Чужой.

Иногда из деревьев вылетали молнии. Попасть под их удар было малоприятно, но, когда молний долго не было, руки, кажется, сами искали их. То же самое испытывала и мать. Она называла это электрическим ударом.

Что же говорить о Страте, если и мать все чаще стала оставаться на ночь в лесу. Страт, устав за хлопотливый день, усypал быстро, а мать с тем человеком еще долго объяснялись непонятными Страту жестами, – и постепенно мать «разговорила» человека. И это вполне объяснимо, – говорят, мать когда-то была очень сильной ведуньей. Правда, говорят, потом она совершила какой-то грех, – и Сила сильно ослабла. Но в семье еще говорили, что когда погиб отец, большая часть Силы к ней вернулась, но мать ею уже редко пользовалась.

Новости, которые узнала мать, были сильно противоречивы. Человек, оказывается, имел имя Светлый. На следующий день мать побывала в городе и узнала, что человека с таким именем в городе нет, и не было. Потом она узнала, что прибыл он издалека на звездолете со странным названием «Молот возмездия». Такой звездолет, действительно, был. Но он был на Драмине совсем недавно, а человек, кажется, сказал, что прибыл на нем много тысяч лет назад, чтобы построить боевой Лабиринт. Боевой Лабиринт, действительно, построил, вернее, посадил, как потом узнала мать, некто Светлый, но больше ничего существенного ни про Лабиринт, ни о Светлом узнать не удалось. Но этому-то человеку никак не могло быть тысяч лет. Если его помыть, да побрить, то он сойдет и за тридцатилетнего.

Все это и рассказал Страт человеку с большого красивого звездолета.

Страт, конечно, не сообщил об еще одной странной вещи. Рубка Лабиринта продолжалась и по ночам. Но рубщиков никто не видел, а на вопрос матери человек ответил лишь все той же робкой улыбкой.

– Вот он, этот человек! – Обрадовался Страт, и пояснил. – Деревья сажает. А меня отправил из леса, – сказал, что скоро станет очень опасно. Мне пришлось уйти, и маме тоже.

Человек стремительно оглянулся, когда тень звездолета заслонила солнце, но сразу же принялся за свою работу.

Только сейчас Страт заметил, что вся команда звездолета была одета в такую же одежду, только, одежда того человека совсем выцвела под солнцем и дождями. И, лишь, тот огненно-волосый человек был в умопомрачительно синем костюме.

– Наконец-то, я тебя нашел, Бродяга. – Облегченно вздохнув, прошептал человек с огненными волосами. – Как же это я раньше не мог об этом догадаться?

– Раунграсс, приземляемся. – Человек тронул за плечо другого, управляющего звездной машиной. Большая и, наверное, тяжелая машина легко и плавно скользнула в землю. Но над кронами деревьев она словно бы наткнулась на какое-то препятствие. По бортам звездолета заскользили змейки электрических разрядов.

– Спокойнее, ребята. Никаких резких движений. Похоже, Лабиринт ожил. – Сказал человек в голубом костюме. – Если он нас подпустил к себе, то, надеюсь, пустит и вовнутрь.

И, действительно, прошло совсем немного времени, – и машина плавно опустилась на землю. Страт был очарован. Наставники всегда говорили, что человек летать не может, а эти люди умеют летать. Если не обманул этот огневолосый человек в голубом костюме, то и Страт тоже сможет так же летать.

Звездолет смог сесть только в начале Лабиринта, откуда человека нельзя было увидеть.

Страт торопливо покинул звездолет вслед за человеком в голубом костюме. Следом за ним спустился на землю еще один человек, – не пилот, – имени которого Страт не знал.

Но не успели они сделать и с десяток шагов, как путь им преградила странная женщина, которой Страт в лабиринте ни разу не видел. Уж, не она ли рубила лес по ночам, подумал Страт.

– Остановись, Командор Воррн. – Властно приказала она, вытянув вперед руку. – Не стоит ему мешать.

– Но это же?

– Да, это, действительно, он. Ему осталось еще совсем немного. Скоро он дойдет. – Женщина говорила строго, но, при этом, доброжелательно улыбалась.

– Что он делает? И куда идет? – Человек упрямо тряхнул своей огненной головой.

– О! Сразу два вопроса? – Снова улыбнулась женщина. – И на оба ответить просто и непросто. Когда-то здесь был создан боевой Лабиринт, но сорок семь лет назад на него упал некий рейдер. Двум десантникам с этого рейдера удалось выжить. Один из них сейчас – Командор большого флота, адмирал. Судьба второго сложилась весьма непросто. Как бы сказали некоторые, его тень слилась с другой тенью. Ты же знаешь их обоих.

– Так, это было здесь? – Кажется, опешил тот огненноволосый, кого женщина назвала Командором Воррном.

– Да, здесь. Я знаю, что тебя тоже, как говорится, собирали по кускам. А твой товарищ не хотел жить, так невыносима была боль от полученных ран. А мой сын, получив чудовищный разряд молнии, в то время был полумертвым куском обугленного мяса. Но душа, на которую и была предназначена молния, осталась жить. И тогда в одном теле слились две души. Никто тогда не мог предположить, что молния зацепила и мозг твоего товарища, в результате серьезных изменений он начал невероятно быстро расти. Дальнейшее тебе известно лучше меня. Но при падении рейдера был сильно поврежден и Боевой Лабиринт. Потому он при недавних событиях и не смог сработать в полную силу.

– А почему именно Лучник?

Женщина поняла вопрос, но начала с загадок. – Знаешь, кто создал этот Боевой Лабиринт? Нет? Помнишь, как однажды девочка, которую сейчас называют Звездочкой, называла твоего друга не единожды. Правильно, Светлый. И это не просто одно имя. Это еще и один и тот же человек. Его имя знает еще одна девочка, но она знает, что нельзя называть первое имя.

– Что же касается второго вопроса, то здесь два ответа. – Женщина снова загадочно улыбнулась. – И оба правильные. Первый: он идет к центру Лабиринта. И второй: он идет к себе. Здесь, в центре Лабиринта, заключена его душа. Нет-нет, не та, виртуальная, а настоящая. И она призвала его к себе.

– Но Лабиринту ведь тысячи лет? – Неуверенно начал Воррн.

– Петля времени. – Промолвила женщина. – Уж, тебе ли о ней напоминать? Это для меня, простой женщины, все это сплошные загадки.

– Для Хранительницы? – Удивленно протянул Воррн.

– Конечно. – Улыбка могла бы быть визитной карточкой женщины, но Воррн уже однажды видел, какова она в гневе. – А теперь прошу, не мешайте ему. Прорехи в Лабиринте он уже залечил. Да-да, прорехи. Ты же знаешь, что нам пришлось мастерить саталовые стрелы, добывать саталовую смолу. Те прорехи не так велики, как нанесенные рейдером, но, все равно, это были раны, ослабляющие мощь Лабиринта. Я не могла отправить в Лабиринт ураников, но ему помогли мечники. Лабиринт восстановлен, теперь ему осталось пройти всего. – Она оглянулась. – Всего двадцать шагов.

– Двадцать шагов до чего? – Не удержался от вопроса Страт.

– У этого много имен, Страт. – И юноша несказанно удивился, откуда эта женщина знает его имя? – Например, конец и начало. Жизнь и смерть. Момент истины. Горизонт событий. Бессмертие, наконец . . . Выбирай, которое тебе нравится.

– Мне это не понятно. – Грустно проговорил юноша.

– Конечно. Тебя учили иным правилам, но твоя мать знает и эти. – Снова она удивила Страта. – А, если по-простому, я сильно надеюсь, что скоро его душа вернется в родное «гнездо». Он ведь не напрасно сюда пришел. Строгор сумел-таки переправить ее сюда, иначе, она могла бы затеряться в глубинах Зеркала. Без души и Искра Бога, всего лишь, теплится. Когда-нибудь ты это поймешь. А ты, Воррн, не забудь об обещании взять парня с собой. Знаю, двум девочкам не терпится с ним увидеться. – И женщина, на удивление Страта, подобно легкому облаку растаяла в лучах восходящего Светила.

Страт приложил к глазам руку, чтобы увидеть ее, но не увидел, а лишь услышал:

«ПОСПЕШИТЕ ПОКИНУТЬ ЛАБИРИНТ, ИНАЧЕ ВЫ ПОГИБНЕТЕ».

Раунграсс, быстрый взлет.

А если Лабиринт не выпустит?

Взлет, Раунграсс, взлет.

Взлетели без проблем, и, на их глазах, остров пропал из виду.

В небе висело только одно облако, и Страт спросил. – Это – она? – Воррн тоже смотрел на него, но неуверенно пожал плечами.

– А о каких девочках говорила эта женщина? – Спросил Страт, когда Воррн оторвался от окна.

– Одна из них, Звездочка, твоя сестра. Она, действительно, ждет – не дожидается встречи с тобой. А вторая – это, вероятно, дочь Ма, Лилит. Но ее история настолько загадочна, что и мне в нее с трудом верится. Но девочка Лилит, тем не менее, существует, и есть тот, кто может подтвердить, что Лучник с ней встречался.

И, как бы то ни было, Ма немножко ошиблась. Лабиринт не был активирован. И хотя тот, кого весьма бы заинтересовал тот разговор, был занят своими делами, но, зато, услышала маленькая девочка Лилит.

– Скажет тоже, влюбилась! Я и видела его всего-то один разик. И это – тоже, ее история загадочна? – Передразнила Лилит. – Совсем простая история. Неприлично скучная. Иногда. Подумать только! Жила-была девочка пяти годиков отроду! Нет, все-таки правильной, живет-бывет, или как-то так. И надо еще тихонько так добавить: «И тысяча лет в придачу». Но это уже не считается. Кто сейчас будет считать ее года, спрятанные в какой-то кошмарной Петле Времени? Продолжим дальше. Ни с кем она не дружит, – нет, все-таки дружит, с Ветром и Эхом. Ничего не поделаешь. – Вздыхает девочка. – Больше здесь совсем не с кем дружить. Заглянула как-то на секундочку одна голова, обещала вернуться, но пропала. Ветер говорит, что ее захлестнула Петля Времени. Ветру, конечно, нужно верить, но все это как-то слишком уж странно. Как может петля зацепиться за круглое? А может, она зацепилась за тот осколок Зеркала? Такой маленький осколок в форме восьмиконечной звезды. Где она теперь пропадает? – Снова вздохнула Лилит.

– Ах, Лилит, Лилит! – Послышался издали голос матери. – Ты такая выдумщица. С кем это ты сейчас разговаривала?

– С собой, конечно. С кем еще можно здесь разговаривать? Ветер куда-то запропастился. А Эху, откуда сейчас здесь взяться?

– Давай-ка, дочка, будем расставлять Зеркала. Скоро должен вернуться отец.

– Ты так каждый день говоришь. А он все не идет и не идет. Уже тысячу лет не идет. Ужас просто.

– Теперь придет обязательно. Разрыв во Времени уже затягивается. Лучник делает последние шаги.

– Значит, он скоро вернется?

– Конечно, отец, наверное, не может дождаться этого момента.

– Я про Лучника. – Лилит слегка покраснела от смущения. – Если петля распутается, мне, сколько будет лет, интересно. Наверно, я стану старой. – Вздохнула Лилит. – А Лучнику, Ма, сколько лет?

– Ах, Лилит, Лилит. Какая же ты, все же, выдумщица.

– Лабиринт нас больше не впустит. – Потерянно прошептал Страт.

Но Воррн положил ему на плечо руку, и уверенно проговорил:

– Впустит. Обязательно впустит. Главное, мы его нашли. Нет, главное – он жив.

– Раунграсс, курс – на Строгор. – Воррн быстрым шагом ушел в салон звездолета, но Страт услышал, как Воррн тихо прошептал:

– И все-таки я тебя нашел. Бродяга, ты, бродяга. Я не знаю, винишь ли ты меня за то, что вмешался в твою жизнь, но я очень благодарен судьбе за дружбу с тобой, несущий луч. Лучник.

Почти предисловие

*Межгалактический лайнер «Звездный ветер».
Где-то между Ветром и Драминой.*

Первосвященник Лепрон неожиданно для себя впал в уныние. Бессмысленно искать причины, находясь там, где этих самых причин быть не может. Сам «Звездный ветер» не располагает к этому. Разве что тревожное ожидание встречи, которая может определить дальнейшую судьбу Лепрона, могло бы быть этой самой причиной, но почему именно сегодня? «Звездный ветер» – суперлайнер. На скоростях, которые ему доступны, время теряет всякое значение. Правда, Гиперпространство, говорят, нередко выкидывает такие фокусы со временем, что, бывает, можно вернуться и во вчерашний день. Но это не про «Звездный ветер». В прошлое, как известно, он еще ни разу не залетал, в далекое будущее тоже, но расстояния «проглатывает» с удивительной, недоступной сознанию, легкостью. Сотню приведенных лет он не сходит со своей трассы в Гиперпространстве с практически постоянной скоростью, периодически то, принимая, то, отправляя многочисленные челноки, которые имеют, естественно, это же имя. Но на них распространяется только имя, а не великолепие самого лайнера. Жизнь этих трудяг космоса трудна и скоротечна. Конечно, порты лайнера способны принимать не только собственные челноки, но и рейдеры, лишь бы их скорость могла совпасть со скоростью «Ветра». Лепрон вздохнул. Где-то в этом районе он должен получить «посылку». К сожалению, случается, что челнок вовремя не выходит на точку подхвата, – тогда посылку можно считать безвозвратно потерянной. Далеко немногие челноки могут догнать лайнер, тем более этот, пиратский, – не вслух будет сказано, – прибытие которого и ждет Лепрон.

– Ну, вот и я. – Как ни ожидал какой-нибудь каверзы от визитера, Лепрон опять был захвачен врасплох. Хорошо еще, что на этот раз облик гостя был достаточно благочестив. Впрочем, это можно объяснить тем, что на «Ветре» не держат некрасивых «свободных тел». А в прошлый раз он появился в образе свиньи, со всеми положенными атрибутами.

– Это уж – точно. – Подтвердил гость. Гость ли?

– Целиком и полностью согласен на «гостя». – Гость, несколько насмешливо улыбаясь, плавно опустился в удобное кресло.

– Вина? – Спросил Лепрон, тщетно пытаясь побороть напавшую на тело оторопь.

– Разумеется. – Непринужденно подтвердил гость. – Да-да, именно этого.

Лепрон еще только готовился сделать заказ, а в беззвучно открывшуюся дверь ловко вплыли два робота-Стюарта с золотыми подносами. Естественно, на этой палубе – только золото. Впрочем, золота хватает везде, как и подобает лайнеру.

Лепрон осторожно принял два больших бокала весело искрящегося напитка, один протянул гостю. Как ни была искусно создана гравитация, опасность неосторожным движением лишиться содержимого в сосуде существует здесь постоянно.

– Далеко ли путь держим? – Не скрывая лукавого взгляда, спросил гость после того, как медленными глотками осушил половину бокала. «Странно, зачем он это спросил? Ему ли не знать, куда Лепрон держит путь?». На Драмине, куда, собственно, и направляется Лепрон, дела Храма складываются далеко не лучшим образом. Казалось, надвигающийся природный катаклизм должен бросить жителей планеты в «объятия веры», но на Драмине этого не происходит».

– А нам – по пути. – Не дожидаясь ответа, усмехнулся гость. – Если поможем друг другу.

– Не понял? – Лепрон не лукавствовал в своем вопросе. – Самому Всемогущему требуется помощь?

– Да, это – так. Мне, – не мне именно, конечно, – на Драмине в определенное время потребуются несколько тысяч свободных тел.

– У нас нет там стольких людей. – Растерянно проговорил Лепрон.

– Знаю. Но там есть несколько весьма интересующих нас установок. – Гость осторожно поставил недопитый бокал на тут же выдвинувшийся из стенки столик и, спросил, не спуская взгляд с Лепрона, который от этого взгляда ощутил противную тошнотворную слабость. – Или я ошибаюсь? – Вид Лепрона вызвал у гостя невольную усмешку, – поэтому он постарался отвернуться, погружаясь глубоко в кресло.

– Но они не... – Неуверенно начал Лепрон.

– Естественно, я это знаю. Но Гиранд, полагаю, не откажет вам.

– Но вы сами? – Слабость еще оставалась, но способность удивляться Лепрон уже обрел.

– Разумеется, я мог бы решить задачу и сам, но до определенного времени мое участие в этом деле должно быть сохранено в глубочайшей тайне. На это, полагаю, вы догадываетесь, имеются свои причины. Так как? По рукам? – Гость не давал ни единого шанса отказать.

А Лепрон всем своим существом ощутил, нет, не слабость, – к ней он, пожалуй, привык, но страх. «Припертый к стенке», он не нашел ничего лучшего, чем увлечься бокалом.

Но собеседник никуда не спешил. Являясь одним из Вершителей Мира, он располагал временем настолько, насколько ему надо. Но снисходительная жалость в его взгляде не обманула Лепрона. Наоборот, ему все больше и больше становилось понятным, что уловка с бокалом не спасет. Выбор не велик: либо принимать предложение, либо...

– Где? – Глухо, судорожно сглатывая сухую слюну, спросил он.

– Есть там городок, кстати, оказавшийся вам совсем не по зубам. – Гость не преминул подколоть Лепрона. – Ну-ну, не обижайтесь. Народец там совсем не простой. Сложный, прямо скажем, народец. Вот на их-то тела и претендует кое-кто.

– Кто? – Еле вымолвил Лепрон.

– А разве это имеет значение? – Вместо ответа спросил гость. – Но, если хотите, отвечу. Те, кому нужны воины. Много воинов.

– Нет, конечно. – Пролепетал Лепрон, но не удержался от нового вопроса. – Скажите, это – вторжение? – Он произнес слово, которое уже давно многие говорят шепотом.

– Я бы и здесь настоятельно не рекомендовал произносить это слово. – Гость, легко справляясь с арендованным телом, выразил на лице глубокое неудовольствие, но тут же решился на небольшое откровение. – Но вам я могу сказать. Этот мир давно изменил Гармонии. Поверьте, в прежние, древние времена дикий, неразвитый он был куда как лучше. Все подменяется бесконечной вереницей слов лжи и обмана. Вера в справедливость с каждым днем угасает. Вы сами постоянно ощущаете, что Страх поселился в каждой душе. Развитие остановилось. Если надо, я могу привести еще сотни, тысячи примеров деградации этого Мира. Теперь остались только два пути: катиться дальше в пропасть, или кардинально измениться. Пропасть уже близко, но и новое время уже готово наступить. И впереди – его внедрение. Вот правильное слово. Внедрение, а не вторжение. И даю слово, Храму Марены в этом Мире найдется подходящее место, ибо новое время – Время Змея.

Увы, дальнейшую речь прервал несвойственный для лайнера, и уж тем более, для этой палубы, шум в коридорах.

– Что-то случилось? – Рванулся к двери Лепрон.

– Насколько я знаю, прибыла ваша посылка. – Гость не тронулся с места, не шевельнулся.

Лепрон, неожиданно застеснявшись своего нетерпения, остановился и бросил на гостя вопросительный взгляд.

– Я бы не советовал. – Тусклым голосом гость полностью осадил его желание поторопиться на стыковочную палубу.

– В чем дело? – Не понял Лепрон.

– Вам известно имя Воррн? – И не дожидаясь ответа, гость сказал фразу, от которой у Лепрона подкосились ноги. – Не знаю, как, но весьма ловко он выследил эту партию контрабанды. К счастью для вас, Эльс успел покончить с собой, разнеся свой мозг в мелкие клочья, поэтому, думаю, Воррн уже не отыщет получателя.

– А груз? – Лепрон все еще не вполне осознал величину нависшей над ним угрозы.

Собеседник досадливо поморщился. Первосвященник должен соображать быстрее, тем более, если это служитель Культа Змеи. Змеи, несомненно, непростой. И если допустить, что вся информация о ней сильно преувеличена, все равно, способности ее не могут не вызывать уважение. К сожалению, уже то, что она выбрала первосвященником Лепрона, дает право сомневаться в них. То ли дает знать о себе возраст, то ли у нее были свои соображения, но она выбрала.

– У Эльса были хорошие поставщики. Вероятнее всего, «груз» пополнит ряды десанта Верховного Трибунала. Так было всегда. Кстати, не старайтесь добиться от них благодарности. – Гость неторопливо потянулся за стаканом, снова наполненным доверху невидимым барменом-автоматом.

– А?

– Не станете же вы требовать от Трибунала еще и возврата задатка? – Усмехнулся гость.

– Что вы такое говорите? – Испугался Лепрон. – А нельзя?

– Нельзя. – Гость неожиданно жестко пресек его вопрос. – Мало того, что он дублирован, Воррн еще и находится под тотальной охраной. Сомневаюсь, что вам дадут сделать хотя бы шаг к этому. – Гость, конечно, предпочел бы, чтобы никогда Воррн не встречался у него на пути, но пока это невозможно. – Хорошо. – Решительно вскинул голову гость. – Каждый четвертый из вновь обращенных – ваш. А сейчас, с вашего позволения, я откланяюсь. Успехов на Драмине.

Лепрон не успел испугаться, что гость, как и в прошлый раз, исчезнет, оставив ненужное ему тело, но он ушел «в сборе».

Вояж на Драмину и до этого визита не прельщал Лепрона, что уж говорить теперь!? Как ни крути, эту поездку можно посчитать и ссылкой. Марена настоятельно потребовала найти главный кристалл-ключ. Но как только Лепрон начал нащупывать его следы, пришлось срочно лететь на Драмину. Дела Храма на этой планете идут все хуже и хуже. Дошло уже до того, что служителей Храма начали выдворять с Драмины. И планета-то – так себе, – вряд ли стоило так за нее бороться. Хотя? Лепрон, в который уже раз, похолодел. Судя по тому, что он сегодня узнал, с Драминой, оказывается, не все так просто. Кто знает, какие события там начинают разворачиваться? Не мешает основательней во всем разобраться.

Лепрон запоздало спохватился, что не стоит проявлять излишнюю смелость, скорее, неосторожность. Он снова заказал вина. А когда получил вождеденный напиток, сам погрузился в кресло, где только что сидел гость. Тревожные мысли пытались вернуться, но Лепрон знал, как от них отвязаться. Золотые пластины стен испещрены загадочной вязью старинных письмен. Кто и зачем поместил их на борта звездолета, не помнит уже никто. И Лепрон – не первый, кто пытается их разгадать. Но на этот раз уловка не удалась. Лепрона, несомненно, огорчила потеря груза. Отрицать это глупо и бесполезно. И дело не в финансовых потерях, хотя и они огромны. Этот груз предназначался именно для обеспечения деятельности Храма Марены на Драмине.

Даже в мыслях Лепрон не решался назвать содержание груза. Пока был гость, можно было не опасаться за сохранение любой тайны. А теперь, когда гость ушел... «Ушел ли?». Слишком неопределенно оборвался разговор. Кому, что, когда? А этот, Гиранд, кажется? Лепрон с ним совсем не знаком, хотя и слышал достаточно. А гость по поводу включения других лиц в сферу их негласного, нигде не фиксированного, но, тем не менее, не подлежащего отмене, договора ничего не намекнул. А Гиранд, судя по имеющимся данным, тоже непростой

человек, и, чтобы уговорить его, нужны будут веские обоснования. А их-то у Лепрона и нет. Его самого еще надо убеждать. До Драмины остается уйма времени, – и Лепрон догадывался, сколь тяжким будет это время.

Через какое-то время Лепрон с удивлением обнаружил, что суматоха на лайнере улеглась, а вскоре исчез и рейдер с грузом. Капитан лайнера на немой вопрос Лепрона ответил таким выразительным жестом, что отбил у него всяческую охоту к дальнейшему выяснению подробностей. Все последующие дни, – на лайнере всегда старались имитировать чередование дней и их фаз, – слились в череду бесполезных раздумий. И фильмы, и книги перестали занимать внимание Первосвященника.

глава первая

ПРИШЛА ПОРА ОТВЕЧАТЬ

1

Претор, столица Преторы, Центр
Управления Верховного трибунала,
3017 Приведенный год

Увы, о том разговоре никто, кроме двух его непосредственных участников, не знает. Разве что ...?

«Звездный ветер» тщательно бережет репутацию: и свою, и клиентов. А если и поговаривают, что клиенты там находятся под постоянным колпаком, то это на совести языкастых болтунов. Ни одна конфиденциальная новость не просочилась на просторы всеобщей гласности. Хотя, если честно....

Информацию о «посылке» Воррн получил от некоторых членов команды «Ветра». Операция, конечно, не получилась совсем чистой: Эльс снова ускользнул, теперь навсегда. Но в результате Воррн получил в свое, если можно так сказать, распоряжение соратника и друга, а вместе с ним и «головную боль».

Так же, как и Таррас. Но Таррас узнал о Лучнике много позднее, когда, не спрашивая согласия, бросили того в пучину жестоких операций.

В один из дней к нему в «келью» заглянул Грант и сообщил о несколько странном поручении:

– Воррн настоятельно просит тебя быть защитником Лучника.

– Опять – Драмина?

– Дааммина. Предъявленного обвинения ни я, ни Воррн не видели. Вентр снова воспользовался Правом Семи. Придется решать по ходу. Если ты согласен, то данные по этому делу найдешь в Секретариате Высшего Суда.

Конечно же, он согласен, хотя Таррас до этого выступал в судебных процессах только в качестве обвинителя. – Согласен, конечно. Но, боюсь, толку от меня будет немного. Вряд ли в обвинениях есть хоть четверть достоверных фактов, а я знаю еще меньше. У Воррна это получится гораздо лучше.

– Это так, но положение, сам понимаешь. Ты – пока знакомься с обвинением, а полную картину получишь от Воррна позднее. И заскочи к Демиургу. У него есть кое-какая секретная информация, часть из которой можно уже при необходимости рассекретить.

– А, если у некоторых Высокоуважаемых судей Высшего Суда еще есть сомнения, то я осмелюсь напомнить о недавних событиях на Драмине, когда Корн... – Главный Обвинитель сделал многозначительную паузу, выжидая реакцию судей. Многочисленных судей. Этот странный процесс, инициированный делегацией Вентра, внес неразбериху в Повестку Регулярной Сессии Высшего Суда. Но Вентр входит в Совет Семи Первых Планет, что дает ему право приоритетного внесения предложений в Повестку любой сессии. И представители Вентра зачастую злоупотребляли этим правом. Многие сессии из-за этого растягивались на месяцы. Сотни представителей Конфедерации томились в ожидании рассмотрения основных вопросов, а это были, в основном, подзаконные акты и выборы нового состава Суда. Но Вентр, все равно, злоупотреблял, по крупницам отвоевывая себе привилегированные права. Что уж тогда говорить об этом Процессе? Какой-то ничтожный десантник покусился на святая святых – благополучие одной из самых Древних и Высоко Значимых Цивилизаций. Да, за это его без всякого суда

следует стереть в порошок и развеять его за пределами Конфедерации. Но Вентр – благороден, он всегда придерживается буквы Закона.

Это Лучник, – какая разница: под каким именем? – уже выслушивал. А куда деться, если ты – подсудимый?

Он излишне безразлично, – никак не в соответствии со своим положением, – всматривался в фигуру своего обвинителя. Высокий, скорее суховатый, нежели стройный, Главный Обвинитель напоминал собой суковатую палку. И она была палкой для битья, и была эта палка со всей мощи. Процесса, который сегодня проходит, могло бы и не быть. По одной простой причине.

Лучник до сих пор вздрагивает, вспоминая запредельную ярость Ауралата, когда он, еще не Корн и, тем более, не Лучник, предстал перед очередным членом аттестационной комиссии. Это уже потом, через полгода, когда ему дали прослушать запись той беседы, стал ясен смысл вопля, потрясшего зал. А тогда это было чем угодно: воплем, визгом, ревом, рыком, и – далее по списку. Ведь тогда еще им не были имплантированы коммуникаторы. Вопль вырывался из полумрака и казался чем-то неестественным.

«Ни за что и никогда!» – таким был перевод нечленораздельного вопля.

«Почему?», – Растерянно привстав со стула, удивленно спросил Председатель комиссии.

Вопль снизился на полтона, но, все равно, уши закладывало: «Он принесет беду моему народу».

Над залом мгновенно повисло всеобщее любопытство. Конечно, так показалось уже не только кандидату. Десятка два членов комиссии и столько же соискателей в абсолютной тишине ждали, чем все это закончится. Егор Корнеевский все эти два месяца (по его наручным часам) выкладывался «на полную катушку». Особых сложностей служба не представляла, – поэтому он без особых проблем прошел уже две трети «сита».

«Прошу объяснить Ваше мнение», – Председатель первым нарушил неожиданно повисшую над залом тишину.

«Он очень опасен», – тон обвинения снова слегка снизился, но, очевидно, росла и твердость «палки»: «Я не должен объяснять то, как и что я вижу. Я абсолютно уверен, что в скором будущем он принесет нам беду».

«Я всегда завидовал способностям читать судьбы», – эти слова принадлежали другому члену комиссии. Корнеевский посмотрел в ту сторону. Этот человек выделялся белоснежным костюмом, над которым возвышалась копна огненно-рыжих волос. Он продолжил: «Но меня всегда смущало одно обстоятельство. Если предсказание неизбежно осуществится, то какой смысл что-то предпринимать. Но, если, допустим, в результате каких-либо действий ничего не произойдет, то где доказательства, что предсказание было верно?».

Конечно, Корнеевский тогда из всего сказанного понял, лишь, то, это речь в его защиту.

«Я ничего не должен объяснять», – снова взвился до прежних высот голос Ауралата: «Но я уверен в своей правоте, поэтому сделаю все, чтобы не допустить его к полетам».

Обладатель белого костюма и копны огненно рыжих волос внимательно всматривался в экран монитора, затем он не менее твердо, чем Ауралат, заявил: «Насколько я понимаю, в пилотажную группу он не войдет? Тогда я беру его в группу десанта».

«Нет!», – Не взвыл, а рявкнул, донельзя взбешенный, Ауралат, ожесточенно топая ногами.

«Да!», – не сдавался Воррн, – именно он был обладателем белого костюма: «С ориентацией в десантные части Верховного Трибунала».

Когда Корнеевскому перевели предложение Воррна, он, естественно, согласился: все равно, это – путь в открытый Космос.

Но на этом все не закончилось. Ауралат, – (немного позже уже курсант Корн узнал его имя) – пролил еще немало своего гнева, но судьба соискателя дороги в космос была решена.

Самое поразительное, что Ауралат оказался прав. Поэтому сейчас он – Главный Обвинитель по Делу. А Лучник – главный обвиняемый. Лучник снова посмотрел на Ауралата. Удивительно, но с его головы настолько обильно стекал пот, что Лучнику было немного жаль его, хотя в положении Корна, или, конечно же, Лучника, жалеть своего, чуть ли, не палача – более чем глупо.

– А причем здесь Драмина? – Устало и беззвучно удивился Лучник. Ему очень хотелось спать, но, прежде всего, есть, а главное – пить. Но ни того, ни другого, ни третьего ему не дали, и прямо с рейдера небритого, невымытого, голодного привезли в здание Высшего Суда. Тем более, если постоянно видеть, как Ауралат-уль-Карито-ут-Вель-ко-Вентра, на сегодня и, пожалуй, всю последних и, возможно, будущих, но недолгих, лет жизни Корна Главный Обвинитель, регулярно потягивает воду из запотевшего бокала. Корна – поскольку обвинение предъявлено не Лучнику, а Корну.

– А причем здесь Драмина? – Знакомый, не искаженный коммуникатором, голос согнал с Корна остатки сна. – Насколько я помню, именно действия Лучника привели к тому, что на сегодня удалось сохранить многие миллионы жизней драминов, что, кстати, было признано Верховным Трибуналом на всех уровнях, и Высшим Судом, если помните, тоже. Не это ли свидетельствует как раз о его заслугах, а не о преступных деяниях, о которых нам постоянно твердят, не приводя никаких конкретных фактов. Я, конечно, не член Суда, и не мне решать судьбу Лучника, но я бы требовал не голословных обвинений, а конкретного свидетельствования. Что же касается Драмины, то вся ответственность за операцию лежит на мне, но того, что сделал Лучник, я бы, в силу своих обязательств, сделать не смог. Ему же это удалось, за что ему честь и хвала. Что же касается Дааммины и Диамины, то у Верховного Трибунала здесь многократно больше вопросов, чем ответов, причем, вопросов к кураторам этих отчасти молодых планет, то есть, к Вентру.

– В чем они выражаются? – Лучше бы Ауралат этого не спрашивал!

– Например, сегодня доподлинно известно место изготовления известного вам продукта. – Голос Воррна был слишком спокоен, можно сказать, равнодушен, но это был убийственный удар.

– Да я, да мы... – Ауралата-итд, или Ауру в латах, или Ура-укорита, – (для русскоязычных), или Crack, Argant (для англоязычных) – как только ни склоняли его имя кандидаты в космодесант, – прямо-таки, затрясло от нервного потрясения. Забыл, ОХ! забыл он о существовании Воррна, чей голос и в Высшем суде Трибунала имеет очень большой вес.

Ауралат еле-еле сумел справиться с нервной дрожью, но крупные капли пота еще гуще осыпали вспотевшую голову. Еще бы! Ауралат в силу своего положения сам не имел возможности заняться подчисткой следов, – а, следовательно, что-то и могло всплыть на поверхность.

– Я просто имел в виду его непредсказуемость, его, наконец, готовность убивать любого на своем пути без всяких раздумий. Он и имя выбрал себе не совсем мирное. – Ауралат никак не мог полностью собраться с мыслями, остро предчувствуя предстоящий серьезный отпор со стороны сторонников этого выскочки. Надо было полагать, что они своего так просто не сдадут. И самый серьезный противник – Воррн. Надо отдать ему должное, Ауралат всегда слышал «дыхание» Воррна «за своей спиной», где бы он ни находился – все одно: рядом, или тысячи световых лет. Он и сейчас выложил свою сеть. Не расставил, а пока только аккуратненько так выложил, – тоненькая такая, еле заметная, сеточка, – порвать такую, – раз плюнуть. Но так легко в ней запутаться. И самое страшное – в том, что неясно, чего он добивается. Если бы ему нужен был сам Ауралат, то Воррн давно бы мог отправить его в небытие, – стоило сделать ему только на полшага больше. Но в самый последний момент Воррн, почему-то, ослаблял хватку, давая глупую, ничем необъяснимую, возможность выскользнуть. Правда, при этом Ауралат нес такие потери, что сам был готов отправить себя в это самое небытие.

И в деле с этим Корном – Лучником Ауралат уже однажды еле-еле пережил полученную оплеуху, а потом, считай, целый год казался себе мальчишкой-несмышленишкой, получившим ее ни за что, ни про что. И все это притом, что Книга жизни этого Корнеевского читалась без всяких интерпретаций. Ни у кого другого не было такого откровения: не дать, не взять, – книга для детей младшего возраста. Честно говоря, Ауралат сначала и сам не поверил своим умозаключениям. Такого просто не могло быть. Неправдоподобно открытая книга судьбы, которую не сможет прочесть разве что ленивый, но между каждой парой строк скрыт иной текст, а его смысл не менее открыт и ясен: но в каждой букве его – угроза, угроза, угроза. А главное – опасения Ауралата уже сбываются, и, чем дальше, тем этот выскочка становится сильнее.

– Многоуважаемый Председатель! – После сигнала, напоминающего пение кукушки, поднялся с кресла из ряда «Молодых Планет» член Суда, судья по информации на табло, Ко Ор-дро Куэнтар Лу Мионир Ста, представитель планеты Ламтью. Лучник никогда не слышал об этой планете. Впрочем, она может и не входить в зону интересов группы Воррна. – Уже который раз, – а на моей памяти – девятый, обращаю Ваше внимание, – представитель Вентра пытается решить свои мелкие проблемы за счет малых планет, и, получается, Конфедерации в целом. Сколько же можно такое терпеть? Мы собрались решать глобальные проблемы, а занимаемся делами, которые впору обсуждать на кухне. – В дальнейшем он посвятил все отведенное ему время отстаиванию интересов «Молодых планет».

– Благодарю вас. – Терпеливо выслушав выступающего, провозгласил Председатель Суда. – Ваши предложения будут учтены в итоговом документе. Но пока мы обязаны рассмотреть все вопросы, включенные в Повестку. Есть ли другие возражения?

– Как адвокат, протестую, по существу. – Вслед за Ко Ор-дро Куэнтар Лу Мионир Ста поднялся Таррас. – Какое значение имеет имя в этом деле? Я пока не говорю о том, что участие Лучника в нем не доказано. Я пока не говорю: «Еще».

– Как это не доказано? – Как-то, зримо взвился Ауралат над трибуной. – Кто там был, как не он?

И снова представитель Ламтью:

– Мы кого судим? Корна, или Лучника? Кто все-таки на скамье подсудимых?

– Тот, кто надо. – Неуверенно ответил Ауралат, чем тут же воспользовался Таррас:

– Согласно протоколам, где, кстати, стоит подпись и вашего эксперта, – надеюсь, вы ему доверяете, – ни один из представленных Вами свидетелей ни под присягой, ни, тем более, на Анализаторе Достоверности не мог с более чем сорокапроцентной гарантией, утверждать, что там был Лучник. В действительности, этот процент значительно ниже. Извините, но, если такая вольность будет наблюдаться и дальше, мы будем вынуждены прибегнуть к Статье 111.

«Принимается. Требую говорить по существу дела. – В наушниках возник голос Верховного судьи. – Уверяю вас, господин Главный Обвинитель, что Суд сам в состоянии разобраться во всех вопросах. А уж если он окажется некомпетентным в чем-либо, то мы с удовольствием обратимся к Вам». Но и «с удовольствием» не скрыли сарказма в словах Верховного, что совсем обескуражило Ауралата, и он опять припал к своему стакану, судорожно собираясь с мыслями.

И снова взял слово представитель планеты Ламтью. – Я, если уж мне поневоле приходится копаться в этом деле, мне хотелось бы знать, каким образом и почему обвиняемый попал на эту планету?

– Действительно, кто-то может дать ответ на этот вопрос? – Поддержал его Верховный судья.

– В пределах допустимого – я. – Поднялся Таррас. – В результате операции «Завеса». К сожалению, большинство материалов по ней все еще засекречены, но все, что касается Дааммины, доступно по коду 999.

– Но из материалов того дела получается, что он попал туда не по своей вине. – Верховный судья вперил свой пристальный взгляд в Ауралата.

– Это, конечно, так. – У Ауралата ускользала из-под ног почва. И это казалось такой реальностью, что ему на миг стало страшно. – Но он украл там рейдер, принадлежащий Вен-тру. – Аргумент, конечно, слабый, – никакой аргумент: начни копать –

– А с этого места поподробнее. – Вбил очередной «клин» Таррас. – При каких обстоятельствах Лучник, как вы утверждаете, украл рейдер? Кстати, там были угнаны два рейдера. О котором рейдере идет речь: о втором, или о первом? И почему?

– Это к данному делу не относится. – У Ауралата задрожал голос.

– В чем я совершенно сомневаюсь. Если первый рейдер угнали ваши люди, то это же самое они могли сделать и со вторым. Или и первый тоже угнал Лучник?

– Мне пока нечего сказать. – Предательская дрожь в голосе Ауралата так и не прошла.

– У Вас еще есть, что сказать, по делу «Конфедерация против Корна»? Именно по этому делу, не пытаясь склонить судей на свою сторону досужими размышлениями. – На этот раз голос Верховного судьи прозвучал уже в открытой сети.

А Лучника, в который уже раз, удивило: «Странно, как в перевод коммуникаторов попадают слова, которым, всего скорее, в Лингве нет тождественных значений, к примеру, «досужими»?

«Еще бы, не было?». Ауралат с содроганием вспомнил три дня назад состоявшуюся аудиенцию с тем, чье имя не говорят.

– Мы вами недовольны, дорогой друг, – В голосе полностью закутанного в серые одежды посетителя: лицо и то было завешено серой занавеской – сквозил настоящий холод. – Вы теряете хватку, дорогой друг, а это нам не нравится. И нам это, дорогой друг, слишком дорого обходится. Мы не можем позволить себе счастье терпеть такие убытки, какие понесли на Дааммине. Мы хотим знать, как вы допустили такое? Мы хотим знать, как этот враг сумел попасть на нашу территорию? Наконец, мы хотим знать, почему вы не сообщили нам об его потенциальной опасности, раз вы сами не в состоянии были устранить его? Поймите, мы не хотели бы менять вас, но нам придется это сделать, если вы провалите свою миссию и сейчас.

– Какую миссию? – Ауралат напрасно думал, что может выкрутиться, но визитер не снизил холод в голосе ни на один градус:

– Мы должны знать все, что знают они о нашем деле. Чтобы убедить нас в том, что вы все еще в силе, выберите из этого врага всю информацию. На этот раз руки вам полностью развязаны.

– Конечно. Конечно... – Между тем начал постепенно приходить в себя Ауралат. – Мы, народ Вентра, способны простить угон рейдера, мы, скрепя сердце, способны простить убийство наших людей, но, скажите, кто ему дал право вершить самосуд? Но его действия парализовали наш бизнес на Дааммине и Диамине. Вентр надолго лишился своего основного дохода. И это тогда, когда наступают тяжелые времена. Более того, нам придется платить огромнейшие неустойки из-за не поставки, или недопоставки украшений на многие, я повторяю, на многие планеты Конфедерации. Мы и прежде не могли обеспечить спрос и на две трети. А что говорить теперь? Больше терпеть мы не можем. Пришла пора ему ответить за все содеянное.

Конфедерация объединяет несколько десятков реликтовых и сделанных планет с жителями, которых можно отнести к роду Человек разумный. А, по сути дела, Конфедерация – это договор о ненападении, разграничении и защите. Высший орган Конфедерации – Верховный Трибунал. Он и принимает решения по всем этим вопросам. Но, поскольку в составе его комитетов представители всех планет, а решения принимаются Конгрессами всех комитетов, то зачастую принятие решений растягивается на многие и многие годы. Но есть в распоряжении Верховного Трибунала структура, которая не ждет принятия решений. Она действует по своему Уставу и сообразно представлениям о праве человека на жизнь и свободу. Только

две структуры могут «укоротить ей руки»: Президиум Верховного Трибунала и Высший Суд. Сегодня ВС «укорачивает руки» ему, капитану Лучнику и десантнику Корну в одном лице.

Ауралат окончательно оправился от нервного потрясения, – и снова полилась монотонная речь Главного Обвинителя.

Лучник поискал глазами Воррна, но тот, по своему обыкновению, и, находясь в Президиуме Верховного Трибунала, умудрился остаться вне поля зрения. Таррас что-то активно писал в своей электронной книге. Уловив взгляд Лучника, он оторвался от своей работы, сделал условный одобряющий жест и снова наклонился над своей книжкой. И, поняв, что все идет так, как надо, Лучник легко отдался чуткой дремоте. Он-то догадывался, какой сон ему приснится.

2

Планета Претора, г. Штан,
Комплекс Высшего Суда.
3017 приведенный год.

Глава вторая

ОХ, ЛИЛИТ, ЛИЛИТ!

Лилит проснулась, когда Подумайте только, когда еще может проснуться Лилит? Когда солнце уже было высоко. Так бы сказала мама. Какое глупое выражение, даже если касается ее и мамы. Хи-хи... Конечно, правильной, «когда солнце уже было». Еще бы знать, где было Солнце, когда его не было? Но маму все равно не переспоришь. С тех пор, как отец ушел искать Червя, который повреждает Корни Древа Жизни, мама стала просто невыносима. Так сказала маме тетя Даугра. И как это так – стала невыносима? Совсем непонятно. Мама, разве, вещь, чтобы ее выносить. Она же не Зеркала, которые она каждый день выставляет под Древом. Через эти Зеркала и ушел Отец искать Червя. Это знают все. Червь тоже, но он, все равно, каждый день подъедает корни.

Лилит, конечно же, проснулась. Но встать, как всегда, не спешила. Когда тебе всего пять лет, спешить нет никакого смысла. Лилит немного поразмышляла, что это за штука – смысл? – но так ничего подходящего не нашла. Поэтому она, как всегда, сильно раскачала свою колыбельку. Древо скрипело, как «несмазанная телега». Лилит, само собой, не знает, что такое «несмазанная телега», но Ветру приходится верить, потому что он знает очень много – больше-больше, чем Эхо.

Качалась она, разумеется, недолго, потому что Ветер где-то далеко, – и Древо не шумело, а лишь скрипело и стонало. Лилит еще чуть-чуть покачалась и легко прыгнула на землю.

Мама уже выставила Зеркала. Брызги Света, попавшие между ними, не хотели уходить в НеПоймиЧто, и пытались найти хотя бы щелочку, чтобы выскользнуть из их плена.

Лилит стало жалко Брызго, – они совсем еще маленькие дочки Света, младше Лилит, – и она чуть-чуть отодвинула одно Зеркало. Отодвинула, – и – Ой! – ойкнула: между Зеркалами застряла Голова. То, что Голова не похожа на голову отца – это и ежу понятно. При чем тут еж, это не понятно уже и Лилит, хотя ей уже пять лет – пополудни.

– Вы – кто? – Спросила Лилит, настороженно выглядывая из-за Зеркала, – она еще ни разу не видела Головы, растущей прямо из земли.

Голова ее, пожалуй, не услышала, – из Межзеркалья редко, очень редко, – почти никогда, – выпадают звуки.

Тогда Лилит нагнулась к самому уху Головы:

– Не могли бы вы, уважаемая Голова, откатиться немножко в сторону, – а то Отец вернется, а проход закрыт.

Вместо этого сама Лилит очутилась в другом месте. Здравствуйте!, но в другом месте была та же Голова, только через нее бежала целая река. Скажите на милость, куда может бежать река через Голову?

– Ой, а у Вас в голове дыра. Прямо-таки, большая дыра, ужас, какая большая.

Лилит дважды обошла голову кругом и заглянула в дыру.

– Вот, видите, сквозняк. Так ведь недолго и простудиться.

Голова молчала. Наверное, она уже простудилась, – и под ней теперь болит горло?

Лилит вздохнула, – точно так же, как делает ее мама. В этом году так и не уродилась малина, а еще и пчелы не принесли меда. А еще в этом году, – Лилит задумалась, недолго, всего на пять минуточек, – чего же еще не было в этом году. Конечно, в этом году не было Нового года, – потому что какой Новый год без отца?

– А раз не было Нового года, то и Дня Рожденья не будет. – Опять вздохнула Лилит, жалуясь голове. – Где же найти хотя бы один единственный, такой нужный день, если года нет.

– Ой! Зачем же так дергаться? Это же не совсем больно. Вы же не хотите, чтобы шов получился некрасивым. И мама тогда скажет: «Ох, Лилит, Лилит. Какая же ты – неумеха! Я в твои годы уже делала то, делала это».

Лилит сделала последний стежок, и откусила нитку. Поток сразу же прекратился, но голова начала быстро разбухать. Разбухала-разбухала, – и разбухалась. От этого буха наверху с громким звоном бухнулось зеркало. И так вот всегда: если в одном месте бухнулось, то в другом – обязательно требухнунется, и звон уж пойдет по всей Вселенной. Хорошо еще, прилетел Ветер, – и быстро вытащил ее наверх. И наверху Голова была разлопнутая, прямо такая разлопнутая, что ни в сказке сказать, а пером писать Лилит еще совсем не умеет. Умеет только радугандашами рисовать. Но Ветер – очень хороший друг: он поднатужился, напыжился, – и Голова снова набухла, напруденилась, или напружинилась? – Хихикнула Лилит. – И... приподнялась над землей.

Лилит аккуратно собрала осколки разбитого Зеркала, приговаривая:

– А не то побегут детки, и порежут свои ноженьки.

Она поискала, куда бы положить собранные стекла, – не нашла, – и выбросила их в распаханное небо. – Хи-хи. Правда, красиво? Теперь это Волосы Вероники. Красивое будет созвездие.

– Будет? – Одновременно Удивились Голова и Ветер.

– Конечно, будет. Одним настоящим ведь сыт не будешь.

Лилит подозрительно присмотрелась к Голове:

– А, вы, чья такая будете?

– Лучника.– Подсказал Ветер, как всегда неожиданно снова появившийся с подветренной стороны. – Отправила бы ты его, Лилит, обратно, – как бы хлопот не набралось. Не в ладах они с Лукавым-то. Ох, не в ладах.

– Я бы отправила, да Зеркало-то осталось одно.– Задумалась Лилит.

– А мать где? Не туда ли ушла? – Тревожно крутнулся Ветер.

– Не знаю. Я встала, а ее нет. – Понурилась Лилит. – Хотя бы, кусочек зеркала остался.

– А что там, под Древом, блестит? Маленькое только. Придется ему его с собой забирать, иначе силы не хватит.

– Ой, а держать то чем Голова будет?

– Если есть живая Голова, значит, где-то должна быть живая рука. – Вполне резонно просвистел Ветер. – Эй, Лучник, покажи руки. Домой пора, а не то приползет Змей, – вмиг сожрет, – не подавится.

Рука, и в самом деле, появилась. Лилит вложила в нее осколок, развернула Голову так, чтобы Зеркала совпали, – и Голова начала пропадать. Только на появившемся вместо головы камне закипели несколько капель крови.

– Ох, Лилит, Лилит, – Послышался голос матери.

Глава третья

А ЗАВТРА НАЧАЛОСЬ УЖЕ ВЧЕРА

1. Суд

Претора. Г. Штан. Комплекс Высшего суда. 3017 приведенный Год.

– Нет, вы только посмотрите на него. Он еще и спит!

«Господи, что же он так визжит-то», – Сморщился Лучник от крика, взвившегося до невероятных высот, – только с большим воображением можно предположить, что это тот же голос, который только что убаюкивал. Но у голоса, похоже, были свои представления о высоте, потому что высота росла, а Ауралат еще только переходил к следующей стадии своего визга:

– А я неоднократно предупреждал об его опасности для Конфедерации. Но меня не захотели слушать. Но и теперь, когда на карту поставлена жизнь целого народа, его совсем, видите ли, не интересует их судьба. И я обязан обратить ваше внимание, что это еще и неуважение к самому Высшему Суду, который представляет все народы Конфедерации. И я категорически требую от Корна объяснения о своем поведении.

Честно говоря, Лучник внутренне обрадовался возможности, хоть, чуть-чуть поразмять кости, – и немедленно поднялся.

– Прошу прощения, если нарушу Регламент и субординации всех, к кому обращаюсь. Примите мои искренние извинения за то, что я задремал. Если кто-то сможет одолжить мне хотя бы одну таблетку стимулятора, то я постараюсь больше не засыпать.

– Обращаюсь к Высшему Суду. – Поднялся из-за соседнего стола Таррас. – Обращаю Ваше внимание на то, что подсудимому не дали возможности отдохнуть: привезли сюда прямо с только что прибывшего рейдера, который, между прочим, подвергся атаке уже в воздушном пространстве Преторы. Ему не было предоставлено ни времени для ознакомления с обвинением, ни времени поесть и привести себя в порядок.

– Это так? – Грозно нахмутив брови, спросил Верховный Судья Секретаря Суда.

– Да, Ваша Светлость. Никто не предполагал, что рейдер настолько опоздает. – И без того бледное лицо Секретаря, вообще, побелело. – Но меня заверили, что подсудимый готов к участию в суде.

– Со всем этим еще разберемся. Суд переносится на пять суток. – Провозгласил Верховный Судья. – Защита? Вам ясен вердикт? Обвинение? Вам ясен вердикт? Обвинение? Вам ясен вердикт?

– Ясен. Но я возражаю. Если суд отложится на пять суток, делегация с Вентра не попадает в режим Гиперпространства.

– Что ж? В таком случае придется процесс отложить на полгода, когда начнется новая Волна.

– Нет, нет. – Сразу сдался Ауралат. – Надеюсь, на процесс не понадобится больше пяти суток. И тогда мы успеваем.

– Снова отложить процесс никогда не поздно. – Усмехнулся Таррас.

– Принято. Процесс откладывается на пять суток. Прошу всех членов и кандидатов Суда не расходиться. У нас еще много более, – Председатель сделал упор на последнем слове, – важных дел.

Лучнику предоставили всю свободу пребывания в городе, но выезд за его пределы запрещен. Поэтому, как ни велико было желание сразу же помчаться в Претор, – увидеться с Сандой пока не «светило». Таррас тоже «хорош»: сунул в руки ключи, кредитку и карточку с адресом и улетел по своим делам. Воррн, вообще, не подошел. Но это и понятно, – общение подсудимого с членами Верховного Трибунала могут истолковать, как угодно.

«Берлога» Тарраса оказалась неподалеку от здания Суда. Таррас – частый гость в Суде, но доселе в качестве Обвинителя. Точнее, это была своего рода явочная квартира. Но это была

квартира со всеми удобствами, разве что не было робототехники для приготовления пищи. Поэтому Лучник неторопливо привел себя в порядок, причем, под душем провел не меньше получаса. А, уж, после длительной водной процедуры ощутил зверский голод.

Найти подходящий ресторан в центре большого города – не проблема, были бы деньги. Но, увидев на Лучнике капитанскую форму, все, неизменно, направляли его только в два, очевидно, связанные чем-то с Космофлотом. Первый сразу не понравился внешним видом: висящая на одной петле дверь, поломанные перила изрядно обшарпанного крыльца говорили сами за себя. На многочисленных скамьях вдоль стены вповалку лежали пьяные матросы, всего скорее, морские, и несколько человек в рабочей форме Космофлота. Второй ресторан был намного приличнее, хотя Лучник понимал, что первое впечатление часто бывает обманчиво.

Как только Лучник вошел в дверь, к нему тут же бросился немолодой и, похоже, знающий себе цену, официант, (или, как их тут называют?). Лучник ощутил его цепкий оценивающий взгляд и коротким жестом показал «золотую» кредитку». Этого оказалось достаточно, чтобы учтливое внимание официанта стало весьма учтливим. В ресторане было не слишком много клиентов, поэтому сразу же нашелся свободный столик с весьма уютным расположением.

– Что угодно? – Официант не лебезил, но можно было понять, что любой заказ будет исполнен достаточно быстро.

– Я недавно с рейдера, поэтому голоден, как волк. – Говоря последние слова, Лучник увидел, как меняется лицо официанта.

– Разрешите вашу карточку?

– Пожалуйста.

После того, как карточка побывала в терминале оплаты, изменились не только лицо, но и поведение официанта. Он схватил трубку телефона и что-то громко скомандовал. Сразу же появились шустрые мальчишки с подносами.

– Какое вино желаете?

– На ваше усмотрение. Но в меру.

Вскоре появилось и вино. Пожелав приятного аппетита, официант наклонился и шепнул:

– Я тоже с Земли. Здесь уже пятнадцать лет. Кстати, здесь есть еще один Земляк. Вон за тем столиком.

Лучник оглянулся. Лицо земляка показалось подозрительно знакомым, но вспомнить его имя Лучник не смог.

Еда оказалась вкусной и питательной, вкусным было и вино, скорее, слабоалкогольный напиток. Торопиться некуда, поэтому Лучник, неторопливо небольшими глотками попивая его «нектар», осматривал помещение ресторана. Оно было довольно уютным, но то, что при входе показалось маленьким, на самом деле оказалось весьма большим. Только путем длительного наблюдения Лучник заметил, что по залу передвигаются большие и маленькие ширмы-стены, периодически меняющие геометрию зала. Легкая музыка, немногочисленные, никуда не спешащие посетители, ненавязчивые, но быстрые официанты, – «что еще человеку надо для счастливой жизни?».

Единственное, что тревожило, – «взгляд в затылок», но когда Лучник оборачивался, взгляд исчезал. Две девицы, что весело беседовали за столиком неподалеку? Возможно. Либо камеры, коих Лучник насчитал не менее десятка?

При уходе все тот же официант спросил, придет ли Лучник еще, и на какое время бронировать столик? Беседуя с официантом, Лучник все-таки успел засечь интерес тех девиц в его персоне. «Хлопотно это», – Усмехнулся он, сходя по излишне пологой лестнице.

Возвращаться в «берлогу» не хотелось. Он поймал себя на мысли, что так и не успел посмотреть Претор, хотя и строил на это ежедневные планы. Надо полагать, что Штан отличается от Претора, но какое-то представление об архитектуре планеты составить можно. В отличие от Претора, где весь комплекс Верховного Трибунала и Городская Управа располагались

на окраине города, здесь Высший Суд и Городская Управа – в центре, Таможня и финансовые органы – в районе Космопорта, коммунальные службы – в противоположном конце города. Об этом сообщали красочные баннеры с красноречивыми схемами и рисунками. Об этом же говорил и гид из коммуникатора, после того, как Лучник ввел в его навигатор предполагаемый маршрут. Сам Центр города был практически свободен от мобильных. Правда, в ответ на его мысль гид сообщил, что здесь электромобильные и железнодорожные трассы располагаются под землей. И привычные глазу землянина улицы было трудно обозначить. Высотные дома до ста этажей высотой хаотично высились над зеленым массивом. Это Лучнику удалось увидеть со смотровой площадки на крыше одного из стоэтажных домов, которую настоятельно рекомендовал все тот же гид. Но при всей хаотичности застройки город, все равно, напоминал своеобразную пирамиду, своим основанием утопающую в зелени. Было ли это сделано планомерно, или так уж получилось, гид убедительного ответа не дал.

Выходя из лифта, вернувшего его на землю, Лучник нос к носу столкнулся с теми девицами из ресторана. Быстро отведенные в сторону глаза и деланный смех сразу насторожили его, поэтому все желание продолжения экскурсии мигом пропало. Но и торопиться с возвращением в «берлогу» он не стал. Необходимости в посещении немногочисленных магазинов у него не было, зато, имелось везде множество скамеек. Он понимал, что его «уловка – с бородой», и все же, надеялся отследить за собой слежку. Но больше девицы не обнаружили.

И он весьма неохотно вернулся в «берлогу». «Тоже мне берлога!», – усмехнулся он, входя в квартиру, – но именно так ее назвал Таррас, передавая ключи.

Он уже ознакомился с содержанием «местных» телеканалов, поэтому улегся в тишине на удобном диванчике, оперативно принявшем форму его тела. Никаких тревожных мыслей в голове не было, но, вместо вождельного сна, пришли воспоминания о Драмине. Как-то там поживают Сибурн с «сотоварищи»? Но и этой мыслью не удалось отгородиться от горьких дум о Гитане, и непреходящей вины. Кое-что удалось уже осмыслить и переосмыслить, но, сколько еще таких жизненных загадок не поддаются расшифровке и поныне?

2. О чем грустим, корешок?

– А, вот ты где?! – И опять Сибурн появился как бы ниоткуда. Но Корн, привыкший уже, пожалуй, к его манере передвигаться, все равно, вздрогнул, что, естественно, не ускользнуло от глаз бывалого охотника.

Сибурн весело хохотнул, и легко вспрыгнул на свободное место рядом с Корном.

– И о чем мы грустим, Корешок? – Так его называет только Сибурн. Понятно, что Корешок – это и товарищ, и производное от Корна, но и Корн – тоже не настоящее: таково требование к десанникам – чтобы имя было звучным и кратким. Корн – это Корнеевский Егор Владимирович, 25 земных лет от роду, русский, в недавнем прошлом – летчик-истребитель, а теперь космодесантник, – (пока резервный). Вот с Сибурном – сложнее: фамилия его Хохлов. Но из-за событий в Украине, где убили его брата, он категорически отказался от Хохла. Он выбрал имя Сибурн, – так как родом из Сибири, а Н – это Николай. К тому же имя Сибурн ассоциировалось для него с именем Сигурн – именем главного героя некогда читанного исторического романа. В десант он попал на год раньше, притом, что подписался на новую жизнь годом позже. Только Корн попал сюда «кружным путем», а Сибурн прямым набором. Попал, скорее, из любопытства, а отправные точки, можно сказать, одни. Как и Егора, его на Земле ничто не держало. Наступивший новый кризис оставил без работы не его одного, а охотой не слишком прокормишься. И, когда ему сделали заманчивое предложение, он рискнул, и был принят сюда с первого раза. Не то, что Корн. Конечно, в любом случае, поступи предложение, он бы его принял. А, уж, когда на тебя объявлена охота, иного выбора нет.

Те дни были сплошным кошмаром.

Все началось с того, что мать, сестра и, конечно, Вероника отправились знакомиться с родителями Вероники. И это на Украину, охваченную безумием. Отговаривать было бесполезно, хотя сердце Егора разрывалось от предчувствий.

Так все и случилось. О том, что сестру и Веронику схватили «правосеки», сообщил своим родителям брат Вероники. Он сам чуть не сошел с ума, когда увидел, что творят с пленницами его «соратники».

Беда на этом не закончилась. Отец Вероники вместе с матерью Егора на «КамАЗе» помчались на базу «правосеков». Что там происходило, уже не узнать.

Освобождение сорвалось, когда по уходящей машине выстрелили из гранатомета. Машина съехала в кювет и перевернулась. Беглецов обезумевшие «укропы» добивали сначала ногами, потом из автоматов, а потом закинули тела в кузов и подожгли.

СБУ оказалась верна своему курсу: беглецы сами перевернулись, сами себя подожгли, и, вообще, это русские шпионы, и находились на территории Украины нелегально.

Егор и не помнит, кто дал точные координаты той базы, но горе требовало отмщения. И Егор отомстил. Семь минут лета над чужой территорией. НУРСы, легко вспарывающие белые домики, Мечущиеся между разрывами люди. И мат в эфире, требующий немедленно вернуться.

Арестовать его не успели. Друзья, хорошо понимающие его горе, сделали все, чтобы он успел скрыться.

Егор только намного позднее задал себе в то время не пришедший на ум вопрос, как оказался в той глуши тот человек.

Но предложение Егора, почему-то, не слишком удивило. Ничто уже не держало его на Земле. Так он и оказался в затрапезного вида «тарелке», – контрабандистском, как потом оказалось, рейдере.

Корн, хоть и иронично внутренне, но заботу, а, точнее, дружбу принял безоговорочно. Тем более что публика в десанте довольно разношерстна: такое смешение национальностей

в «одном стакане» трудно и представить, а здесь собрали – и «завязали в тугой узел», да так завязали, что не рыпнешься. «Покупатели» не слишком озаботились межнациональными отношениями среди кандидатов в десант, их больше волновали физические данные: десантник – расходный материал. И все свои земные проблемы достаточно настойчиво порекомендовали оставить на Земле. А все редкие вспышки вражды пресекались весьма решительно и радикально. К тому же каждодневные изнурительные тренировки отбили всякое желание выяснять, кто едва не начал Третью Мировую войну.

Егор уже знал, что именно его отмщение подняло «большую волну». Только активное вмешательство «инопланетного разума» позволило заблокировать все пусковые установки. И война, маховик которой уже начал раскручиваться, была задавлена в самом корне.

Но, если не рассказал до сих пор, то он и сейчас не был готов к исповеди. А грусть? Почему-то ее не было. То ли оттого, что душа очерствела, то ли такова неосознанная защитная реакция. Потеряв голову, по волосам не плачут. Так учил отец. Про предчувствие крутых перемен тоже не скажешь. И не расскажешь про растерянность, связанную со снами, которые начали сниться с завидной регулярностью. Какая-то Лилит, ее мать, отец, какой-то Ветер, Древо Жизни? Из всего этого знакомо только созвездие Волосы Вероники, да и то, – постольку – поскольку. И, если бы не было отметин от этих снов, то все бы было, довольно-таки, любопытно. Всего лишь! Но, когда во сне ты порезал руку, а утром обнаруживаешь, что подушка в крови, а на руке, действительно, – порез на том самом месте, то тут стоит о многом задуматься.

Стволик, подозрительно затрещавший после приземления на него Сибурна, перестал качаться, и Сибурн, так и не дождавшийся ответа, спросил. – Слышал, Ворон здесь? Скоро, говорят, объявят большой сбор

– Слышал, но меня-то это – никоим боком.... – Как-то лениво ответил Корн. О том, что будет сбор, предупредили, когда сообщили об отмене марш-броска в горы. – Тут и до меня много, кто в деле не бывал...

– Всякое бывает. – Не слишком уверенно возразил Сибурн. – Никто не знает, чем они руководствуются при выборе кандидатов. Да и, вообще, здесь уже немного таких, кто хотя бы раз был в деле. А «возвратники» – это всего лишь неудачники.

Но «сигналы сбора» из коммуникаторов не дали ему договорить.

И друзья, словно по команде, прыгнули на землю, – курсантов, опоздавших на сбор, всегда ждет неминуемое наказание.

– Знаешь Ворона? – Уже на бегу спросил Сибурн. Ворона он, как и многие другие курсанты, упорно называет Вороном. Но вряд ли можно найти что-то общее с вороном в этом, всегда щегольски одетом в безукоризненный по покрою и цвету белый костюм, человеке. Хотя все-таки одно да было. Каким-то непостижимым образом он умудрялся «быть стеклом»: вот он – весь на виду, яркий, заметный, – а не видно.

– Знаю. Но меня-то он вряд ли узнает?....

– Вот оно как? – Сибурн немного укоротил свой бег. – А говоришь, никаким....

– Так, это было еще на «сортировке»... Правда, благодаря Воррну я здесь. – И, помолчав. – Ауралат чуть не «зарезал».

– Как это? – Сибурн даже остановился.

– Длинная история. Потом, если не разлетимся, напомним, – расскажу.

Успели как раз вовремя, – еще только-только в дверях штаба показались «штабники» и Воррн, а многие десантники торопливо подбежали к плацу, но друзья уже успели восстановить дыхание. Топот сотен пар металлизированных подошв снова вызвал в Корне трепет, ощущение причастности к некому великому делу, самой вечности. Эту самую причастность «вбивали», конечно же, в них с утра и до вечера, – космос в этом смысле не слишком отличается от Земли. Многие «учители» постоянно твердили о великой Милости космоса принять землян в свои

ряды, пусть и на правах «пушечного мяса». А Корн принял эту причастность вовсе не потому. И не потому, что Земля обрезала его «корни», отняв родных ему людей. Просто космос всегда был его стихией, еще с младенчества, когда они сначала с первым, а потом и со вторым, отцом могли часами смотреть в бездонное звездное небо.

Прошло немало времени, прежде чем все успокоились. Воррн, все так же весь в белом, и с фантастически рыжей копной волос на голове, терпеливо прохаживался перед строем. Наконец, он начал:

– Мне потребуется сотня бойцов по стандартной схеме рейда: тридцать плюс семьдесят. Как обычно, сейчас начальник вашего Штаба будет называть номера расчетов и имена. Кто готов и согласен – выходят ко мне. Ясно?

– Хо! – Грохнул строй.

И пошло!

– Расчет первый. – Названы первые три счастливчика. Счастливчики – потому что «контракт стандартный», потому что закончились бесконечные тренировки, потому что, много почему...

... – Расчет второй....

... По мере того как возрастали номера расчетов, таяла и призрачная надежда. Уже давно закончился первый список, да и второй перевалил за середину... Сибурн, – а кто еще сомневался? – в первом списке в третьем расчете – в разведке...

– Корн. – Ни номера расчета, ни Конечно же, сначала должен быть номер расчета, а не... но начальник штаба громко спросил. – Корн здесь?

– Хо! – И Корн, как и положено, вышел из строя...

– Корн... – Начальник штаба снова заглянул в список. Корн вряд ли смог бы передать гамму чувств, промелькнувших на его лице. – Корн – тактик-корректор рейда.

– Хо! – Уже машинально ответил Корн, – хотя какое уж тут «Хо!»? Какая-то нелепая ошибка, или чья-то глупая шутка. Тактик-корректор – старшая командирская должность, которой, как говорили кураторы, учатся многие-и-многие годы, причем, специально и после обнаружения определенных данных. Тактик-корректоры назначаются только в сложные рейды, должность – равная

Корн растерянно стоял перед строем. Начальник штаба продолжал недоуменно вертеть список. Строй давно уже потерял форму, тут и там начались оживленные обсуждения. Торопливым шагом подошел Воррн, тронул начальника штаба за рукав:

– У вас все?

– Да, но? – Начальник начал удрученно тыкать пальцем в список.

– Разберемся. Если с остальными – все, распускайте бойцов. Корн, за мной!

А Корн все еще не пришел в себя, и шел за Воррном, как на казнь. Строй «счастливчиков», было, рассыпавшийся, мгновенно показал результаты былой муштры.

– Надеюсь, никакой ошибки нет... – Немного помолчав, начал Воррн. – Представляю: Корн – тактик-корректор рейда. Кто так решил? – я не знаю. Но, по опыту прежних операций, я не стану оспаривать данное решение, – аналитики Верховного Трибунала, в ведение которого вы все поступаете, ошибаются весьма редко. Распорядок на сегодня: сейчас, по распоряжению центра, прием пищи, затем – получение обмундирования и личного оружия согласно расчету. Все время последующего пребывания здесь всем постоянно быть на связи. Все понятно?

– А завтра?

Воррн мгновенно отреагировал на вопрос. – А завтра, воин, для вас началось вчера. Распорядок на завтра получите вечером, – И тут же вопрос. – А в чем дело?

– Так, надо кое-какие дела утрясти...

Окинув быстрым взглядом строй, Воррн увидел тот же вопрос на лицах большинства и уже добродушно усмехнулся. – Успеете. А вообще, рекомендую реализовать все ненужные

вещи, – с собой можно взять не больше стандартной ячейки. Их получите вместе с оружием. И напоминаю, никаких взрывчатых веществ. Все легко воспламенявшееся упаковать в капсулы. Тут неподалеку нежадные антикварные лавки – скупают экзотику по весьма приличной цене. С собой, как вы понимаете, многого мы взять не можем, а многие сюда уже не вернуться. По многим причинам. А теперь – все в столовую. Корн – со мной....

И пошел в сторону штаба. Корн оглянулся на Сибурна, перехватив его взгляд, демонстративно пожал плечами, – он, в самом деле, ничего не понимал, – и заторопился вслед за Воррном.

«А он действительно, напоминает ворона – замаскированного, но ворона» – вглядываясь в вышагивающую впереди фигуру, с удивлением отметил он.

Додумать Корн не успел, уткнувшись в спину Воррна.

– Мы летим на....

– Драмину. – Вырвалось у Корна.

– Что??? – Разворот Воррна был так стремителен, что Корн невольно отшатнулся.

По лицу Воррна пробежало недоумение далеко не меньшее, чем у начальника штаба несколько минут назад:

– Ты откуда знаешь?

– Не знаю. Само вырвалось...

– Да-а-а... – Протянул Воррн. – Становится все интересней и интересней...

В штаб они не пошли. Воррн резко свернул к стоящему на обочине штабному автомобилю. Задумчивость с его лица так и не сошла, а глубокая складка между глазами состарила лицо сразу на несколько лет.

– Поехали, поедим в городе. Заодно и познакомимся поближе. – Воррн открыл дверь авто, пропуская вперед Корна. Сам сел рядом, а не на переднее место. Но всю дорогу они молчали, да и во время еды перекинулись лишь парой-другой незначительных фраз...

Впрочем, и после возвращения на базу разговора не состоялось. Воррна вызвали на какие-то переговоры, а Корн отправился за обмундированием и оружием. Точнее, наоборот: сначала – за оружием...

Оружейник базы, наверное, как и все оружейники, оказался весьма словоохотливым, а шуточки сыпались из него к месту и не к месту. Наверное, он тоже – с Земли. И это не было бы удивительным, – База специализировалась на представителях Земли, – только, как говорят, последний набор был уже легальным.

Едва завидев Корна, оружейник громко провозгласил:

– Весь мир уничтожаем, или только половину?

– Четверть.... – В тон ему ответил Корн.

– Ну и, слава богу. Значит, еще поживем. – И повел Корна вдоль многочисленных стеллажей и шкафчиков, непрерывно то, нахваливая, то, хая то, или иное оружие. А Корн совсем не представлял, какое оружие требуется тактик-корректору, да и требуется ли, и все ждал, что словоохотливый служака сам предложит полагающееся ему оружие. Но взгляд зацепился за нечто одновременно знакомое и малознакомое. А ноги уже сами несли его туда, – да так, что воркование слева отставало:

– Страшная штука.... Лучевое оружие. А это модернизированное, конструкции Корна... Постой, твоей конструкции?

Как хотелось похвалиться: «Да, мол, моей!»! Но начинать боевую службу с вранья?... И Корн честно признался, как еще при первых проверках их на пригодность высказал он свое мнение о недостатках старых образцов: неудобство смены батарей, приспособлены только для правой руки и еще кое-что, – сейчас уже и не вспомнишь. И ведь услышали, промурыжили несколько дней за какими-то приборами, – и на тебе: «конструкции Корна».

А оружейник уже ужом крутился вокруг него:

– Это – ага ... – адаптер... для левой руки, настраивается – ага – по биоритмам, крови и еще чему-то только на одного человека. Батарейные – ага – блоки на шесть и девять батарей, отстреливаемых по команде с адаптера, либо автоматически при угрозе взрыва, Носятся за спиной, как ранец. Ствол... со сменными линзами... разными. Ой! Да чего я рассказываю – ты же конструктор. Берешь?

– Беру. – Не раздумывая, ответил Корн. – А разрешение? – А надо было спросить, нужно ли оно тактик-корректору.

Но оружейник уже заглядывал в какую-то папку: « Так... так... так. Ага, здесь только твое имя. Есть разрешение. Здесь распишись. Еще здесь. И здесь. Все. Пистолет игольный...». Увидев сомнение Корна, заторопился: «Бери. Бери. Вам всем – положено. Огнестрельное оружие получите на месте».

Корн недоверчиво рассматривал оружие, но, наконец-то, пришла первая «трезвая» мысль. Конечно, «его берут, наверное, для испытания лучевого оружия». Но и она тут же улетучилась, когда он задал себе резонные вопросы: «Кто мог знать, что он направится именно к лучевому, и при чем здесь тактик-корректор?».

Закончив с бумагами, оружейник приложил к замку стеклянного сейфа палец. Замок щелкнул, стенка ушла вниз, и на «белый свет» явился адаптер. Или нет? Заметив недоумение Корна, оружейник рассмеялся: «Хитрая штука. Веришь, за пару дней сама приспособливается к руке? Потом можно снимать и надевать. Но работать ствол будет только от этого адаптера и только на этой руке. Надеваем? Так. Снимаем блокировку. Все. И пока вот эта лампочка не загорится, с руки не снимать: и спать с ним».

– О, бог! Чуть не забыл. – Он картинно постучал себе по голове. – Инструкция по пользованию. Положено. Подключишь к адаптеру, – и читать не надо. Ствол и батареи доставят на рейдер. Все. Заходи, если что.

Уже на выходе Корн столкнулся с Воррном. Тот был все в том же ослепительно белом. «Неужели он и воевать в этом же будет?», – почему-то подумалось Корну.

– Нет! Воевать, если придется, я буду в другом. – Неожиданный ответ буквально «убил на месте». А Воррн, видимо, и ожидал именно этой реакции:

– Привыкай. Извини, но мне нужно привыкнуть к тебе. Злоупотреблять я не буду, но иногда мысли твои читать придется. А, вообще, помни всегда, это умею не только я. Будет время, – я попробую научить тебя блокировке. Думаю, у тебя получится. А это что? – Он кивнул на левую руку...

– Это адаптер... к лучевому оружию. – Послышался из-за спины голос оружейника.

– Зачем тебе лучевое? Хотя... все может быть. – В голосе Воррна слышалась тревожная растерянность, от которой тревога пришла и к Корну. – Одежду твою уже доставили на рейдер. А мы пойдем, прогуляемся.

Корн догадался, что сейчас пойдет разговор, который не должны услышать посторонние уши.

Они углубились далеко в прилегающий к Центру лесок, прежде чем Воррн достал какой-то небольшой приборчик. «Глушилка», – определил Корн: «Значит, разговор предстоит более чем секретный». Воррн долго колдовал с прибором, затем успокоился, но приборчик не убрал, а повесил его на ветку дерева.

Но молчание затягивалось, и Корну стало еще тревожней: какие еще сюрпризы сулит этот день. Голову окутало туманом, – и он понял, что Воррн снова пытается проникнуть в его мозг. «Нет!», мысленно крикнул он, превращаясь, как ему показалось, в пружину.

А затем случилось и совсем непонятное: с его руки как будто бы сорвалась еле заметная молнийка и метнулась к Воррну. Может быть, это только показалось, но лицо Воррна исказилось от боли.

А он сразу же пришел в себя:

– Еще интересней. Ну, хорошо, что знаешь о Драмине? – Пристально глядя Корну в глаза, озабоченно спросил он.

– Ничего. Точнее, почти ничего. Знаю только, что это умирающая планета с населением десять – сорок миллионов. И это все. Копаться в Сети и некогда было, и интерес Контроля не захотелось возбуждать...

– Это правильно. – Разом спало напряжение Воррна. – Тебя уже должны снять с контроля, да и эта Штука – (Он кивнул на адаптер) – кажется, не проста. Возьми. – В его руке неизвестно откуда возник продолговатый кристалл цвета морской волны, – своего рода приставка к коммуникатору. – Тут все о Драмине.

– Почти все... – После недолгого молчания медленно проговорил он. И снова (задумчиво). – Почти все. За исключением того, что при невыясненных обстоятельствах погибли одиннадцать бойцов предыдущей группы, в том числе и командир группы Риф. Возможно, их гибель и не связана с Драминой: за Рифом числятся несколько других весьма сомнительных операций. Но есть одно «Но!» Двое из погибших – новички, с прежними историями не связаны, но напрямую связаны с якобы уничтоженными якобы лавиной установками контроля сознания и подавителями воли. Среди них была и секретная К-20115. Как только началось следствие, все, кто что-то смог бы прояснить, один за другим стали либо пропадать, либо умирать. А не далее, как десять дней назад, с Драмины пришла новая заявка на группу Рифа, что окончательно спутало все карты. Вот поэтому Трибунал поручил мне создать группу для полного разрешения всех проблем по Драмине. Я надеялся, что будет время, как говорится у вас, притереться друг к другу, но у нас в запасе всего два дня. Вопросы есть?

– Вопросов более чем достаточно. Но мне кажется, что чем больше будет ответов, тем больше появится вопросов. Поэтому пока... – Корн замолчал, подбирая нужные слова.

Воррн понял его смятение и понимающе кивнул головой:

– Ну что ж? Тогда, пошли готовиться. – И уже на ходу обернулся и как-то беспомощно проговорил. – А жаль, что времени хотя бы на малое слаживание не остается...

– Это случилось на Драмине? – Вопрос, мучающий Корна, сам сорвался с языка.

И Воррн словно бы ожидал вопрос, ответил без промедления:

– Нет, это произошло на Вентре. Кстати, у нас есть общий знакомый с Вентра – Аура-лат-уль-Карито-ут-Вель-ко-Вентра. Клан Карито рода Вель с Вентра, действительно, – древний род. Сейчас-то, он измельчал, но прежде это были, наверное, и в самом деле, боги. Я как-то столкнулся с реальным подтверждением их дел. Знаешь, сколько планет они «сделали»? Больше десятка. Нет, это, действительно, были Боги! – Воррн разгорячился. – Или... Да нет, не или. Представь себе работу: найти «мертвую» планету, по сути, камень в поясе жизни. Уже на одно это может уйти не одно столетие. А еще ее надо раскрутить до создания нужного магнитного поля, выловить во Вселенной метеориты или кометы, содержащие компоненты воды, воздуха, различных солей, микроорганизмов. И, трудно поверить, но, СДЕЛАВ ПЛАНЕТУ, идти дальше. Далеко не всегда заселяя ее.

– А как они раскручивали планеты? – Корн что-то слышал об этом, но, всего скорее, это были предположения: кажется, это говорили о Земле? Но сейчас предоставлена возможность узнать это если не из первых уст, и не от свидетеля событий, то уж, во всяком случае, от человека, который знает, что говорит.

– По-разному. Чаще – теми же метеоритами. Тут в двух словах не расскажешь. – Воррн немного помолчал, а затем добавил. – Давай, поговорим об этом позже. Все, что знаю, а это все, действительно, – увлекательно, – расскажу. – И, не дожидаясь ответа, пошел вперед, потом остановился. – Догадываешься, почему я заострил внимание на Ауралате? Следы ведут к нему, но зацепить его снова вряд ли удастся.

На выходе из леса их поджидал нетерпеливо вышагивающий оружейник. Увидев выходящих из леса, он бросился к Корну, на ходу разворачивая какой-то сверток.

– Слава богу, дождался вас. Сразу-то я и не заметил. – Чуть ли не причитал он. – А потом смотрю, лежит. Адаптер второй, на другую руку. Но он какой-то другой, без крепления для излучателя, зато много различных кнопок и еще экран.

Оружейник суетился, то и дело оглядывался на Воррна, видимо, ожидая, как минимум разноса, но Воррн только озабоченно морщил лоб.

А оружейник уже завладел рукой Корна и торопливо прилаживал адаптер. Корн терпеливо ждал, чем все это закончится. Но в отличие от первого, этот адаптер на глазах приобрел форму, а Корну показалось – (или это было на самом деле?), – что между адаптерами установилась связь....

Оружейник, вместе с Корном и Воррном, зачарованно смотрел на метаморфозы адаптера, и то порывался бежать, то что-то объяснять, но, наконец, извиняющимся голосом пробормотал:

– Ну, так, я побежал? Сегодня, пожалуй, дома не бывать....

А Воррн, продолжая сохранять глубокую задумчивость, почесал затылок и, то ли намеренно, то ли по привычке растягивая слова, спросил. – Слушай, а как ты намереваешься с этим хозяйством надевать теплую одежду?

Корна, как говорится, хватил «столбняк»: ему и в голову не пришел такой элементарный вопрос. И он теперь ждал от Воррна другой вопрос и задавал себе сам: « Ну что, тактик-корректор? Не учесть такой простейшей вещи! Позорище!»

А Воррн, добродушно глядя в глаза сконфуженного напарника, успокаивающе проговорил:

– Ничего-ничего. У меня тут есть хорошо знакомый портной. Кудесник в своем деле. Что-нибудь придумает...

Следом появился невзрачный человечек с одеждой для Корна. Портной, и на самом деле, оказался кудесником. За какие-то минуты он лихо разрезал рукава. Затем на них появились всевозможные молнии, кнопки и «липучки».

– Лихо! – Прокомментировал Сибурн. – Как говорят в Одессе,...

– В Одессе? – Немедленно переспросил портной. – Вы сказали, в Одессе? – Он поначалу не отреагировал на остальные слова, но потом его лицо обрело такое удивление, что Лучник едва не рассмеялся. – Вы – русский?

– Мы оба – русские. – Подтвердил Сибурн.

Из глаз портного потекли слезы. Он, нисколько не пытаясь их утирать, бросился обнимать и Сибурна, и Корна.

– Это надо же так? – Причитал он. – Тридцать лет я ждал этого дня, и дождался. Бедный Изя теперь может спокойно умереть. Да, я – еврей. Но в душе я – русский еврей. Скажете, таких не бывает? А я в это верил. Может, поэтому мне там не оказалось места, – и я опрометчиво согласился покинуть Землю и отправиться в Космос?

Ни на секунду не прерывая свою исповедь, он, непостижимым образом, кроил рукав за рукавом, от мелькания ножниц, иглол и непривычного вида швейной машинки у Лучника немного закружилась голова, – и вскоре перед восхищенными зрителями предстал совершенно новый образец одежды.

– Вот это то, что надо. – Послышался из-за спины восхищенный возглас Воррна. – Теперь, я думаю, у тебя будет много заказов. – Он дружески похлопал портного по плечу.

– Сколько с меня? – Спросил Корн, мысленно опасаясь, что скопленных кредитов может и не хватить. Но портной отчаянно замахал руками:

– Нет. Нет. Нет и нет. Во-первых, у меня свои расчеты с Воррном. Во-вторых, вы доставили столько счастья бедному Изе, что вести речь о каких-то кредитах совершенно бестактно. Единственное, о чем я мог просить бы, – это продать мне часы, если таковые имеются. Мой

хронометр, к великому сожалению, приказал долго жить. – И все это на чистейшем русском языке.

– Часы? – Корн сразу вспомнил, что где-то в тумбочке лежат аж трое часов: его обычные, его наградные золотые и офицерские часы отца.

При виде часов у портного вспыхнули глаза. Но выбрал себе он обычные:

– Рабочие? Сколько вы за них просите?

Услышав, что это подарок, Изя вернул часы обратно:

– Молодой человек – миллионер? В конце концов, неприлично смеяться над бедным Изей.

И только вмешательство Воррна заставило его принять подарок.

А следующий вопрос поставил Лучника в тупик:

– А это богатство будете продавать? – И после недолгого разговора, получив утвердительный ответ, Изя что-то крикнул скупщикам, уже упаковывающим свои приобретения. Тот час вокруг Изи и Корна образовалось кольцо.

Корн проследил за хищными взглядами и увидел свои золотые наградные часы.

Корн никогда не понимал участников различных аукционов. И то, что началось здесь, едва не заставило его отказаться от продажи. Чисто инстинктивно, он понимал, что цена часов мгновенно взлетела на фантастическую высоту, а, получая кредитки от победителя, чуть, было, не скинул цену наполовину.

Дальнейшее, вообще, сразило его. Изя мановением фокусника откинул салфетку, прикрывающую часы отца. Уже первая цена убрала большинство конкурентов. Потом в борьбе остались: пятеро ..., четверо..., трое..., двое. В конце концов, эти двое сговорились: часы отца перекочевали к победителю за часы «Корнеевского», а часы отца достались прежнему победителю.

– Повезло тебе, парень. – Улыбнулся Воррн. – Такой торг выпадает не каждый день. Не забудь завтра все перевести на карточку. – Перехватив вопросительный взгляд Корна, добавил. – Да, успокойся ты, наконец. Все нормально. Изя свои проценты получил.

«Кудесник» появился под вечер в окружении хитроватых говорливых людей и сопровождении Воррна. Они оказались торговцами антиквариатом, поэтому общежитие мигом превратилось в большой рынок.

3. Воррн

Претора, г. Претор. Центр управления

Верховного Трибунала.

3011 приведенный год.

– Зачем ты это сделал? Что ты хотел доказать? – В голосе, прозвучавшем с балкона, слышались нотки раздражения. Как ты смог включить его в свои игры, не испросив его согласия?

– Помолчи! Ты не имеешь права осуждать меня. Ведь ты меня бросил, не так ли? А значит, мне нужен другой Маршал, и этот парень был не хуже тебя, согласись. – Хозяин не сердился, – нет, богам не свойственно сердиться, – хозяин спокойно констатировал факт. – К тому же еще не все закончилось, как тебе известно. И давай без истерик. Извини, я сам, как ты знаешь, не могу выполнять свою миссию...

– Это ты извини, но, и, понимая всю благородность твоей миссии, я не могу согласиться...

– А твоего согласия мне не требуется. – Нетерпеливо прервал Хозяин.

– Демиург, ты же болен. Ты же... – Пришедший торопливо подыскивал нужные слова. – Ты же... Ты же...

– Да, я знаю, что я болен. И осталось мне не так уж много, тоже знаю.

– Демиург? – Не скрывая боли, только что не выкрикнул пришедший.

– Я болен, Воррн, болен: мой мозг умирает, мои боли уже не переносимы. Я не жалею, Воррн, и моя миссия еще не окончена. – Голос Хозяина был слишком спокоен.

– Хочешь, я откажусь от места в Трибунале? – Поспешно спросил пришедший.

– Нет. Я просчитал варианты: по всему выходит, что, как раз, там ты нужнее. А значит, мне нужен другой Маршал.

– Но Лучник?..

– Ты видел его мертвым? Нет. Если его не убили сразу, значит, он нужен им живым. Ищите. Да, каждый десятый готов его растерзать, но каждый второй, как мне известно, уже молится на него.

– Но с ним ни у кого нет связи...

– Все равно это мало о чем говорит. Прости, я сильно устал, и уже не могу удерживать связь....

Фигура посетителя задрожала, стала распадаться на мелкие фрагменты и вскоре пропала.

А Демиург устало отвалился на свое опостылевшее ложе.

Драмина. 3011 приведенный год.

Теперь Воррн не находил себе места и наматывал стремительные круги в ожидании взлета. Непрямая ментальная связь с Демиургом не помогла, но, скорее, прибавила проблем. Демиург, конечно, во многом прав, но вряд ли те, кто захватил Лучника, будут молиться на него.

Воррн больно сжал виски. Десант, конечно, успешно отразил угрозу, но до ее корней так и не добрался, и враги все еще представляют серьезную опасность.

И нет никакого толка от Президента. Конечно, пропажа единственной дочери кого угодно ударит по самому больному месту, но ты же Президент целой планеты! Впрочем, и от Службы Безопасности толку не больше. А велика ли сила – сотня десантников, когда все пойдет вразнос?

Ему, если говорить честно, – Воррн непроизвольно вздохнул, – таких операций еще не доставалось. Одно дело – бороться с повстанцами, и совсем иное – с регулярной как бы армией, и не понятно, то ли целой, то ли частью, но какой?

Что же касается внезапного исчезновения Лучника, то эта новость буквально сковала их немногочисленную команду, включая всех: и его друзей, и откровенных недругов. Оружие, с которым он в последнее время практически не расставался, – на месте, и второй игольный пистолет там. А Лучника нет!

И Воррн, пожалуй, впервые в жизни запаниковал. Отчего и вышел на связь с Демиургом, а теперь выясняется, что «все проясняется: Демиург, что называется, втемную подключил парня к своим планам, хотя надо отдать должное, как всегда, не ошибся: хватка у парня оказалась еще та. Но оказалось, что и у него пропал ментальный контакт с Лучником».

Воррн последним вошел в рейдер и упал в кресло, смачно хрюкнувшее под его телом. Этот рейд вымотал все силы, а и прошло-то драминовских дней сорок, не больше, но много ли из них оказались хоть чуть-чуть безмятежны?

Начиная с первого!

4. Драмина – на пеленге

«Молот возмездия» в очередной раз пробил Гиперпространство и вышел в Открытый Космос. И снова удача оказалась на их стороне. «Пробой пространства» – по сути, лотерея. Немало смельчаков пропали либо в огромных просторах Вселенной, либо в сетях гиперпространства. Выйти в нужную точку Космоса – это, все равно, что попасть ниткой в игольное ушко, причем, с закрытыми глазами. Люди в гиперпространстве практически бесполезны, там одна надежда на искусственный разум с ментальными способностями, но на его выращивание уходят десятки, сотни лет, а Гиперпространство способно и его убить в одно мгновение. Конечно, находились смельчаки, которые отваживались лично вести космические корабли в «гипере», но смогли это завершить единицы, – и не зря их именами названы грандиозные рейдеры и планеты.

Рейдер «Молот возмездия» – штатный рейдер Верховного Трибунала, но, поскольку операции, которыми Воррн руководил, выполнялись по прямому указанию последнего, то и рейдер, по сути, был закреплен за Воррном. «Молот возмездия» – уникальный рейдер: пока нигде больше «детки» не являются основными силовыми установками, а четыре силовые установки представляют такой запас энергии, который и не «снился» самому большому рейдеру Галактики «Мир и справедливость», способному нести на своем борту полторы тысячи пассажиров. Естественно, этот гигант способен пробить Гиперпространство, но он еще ни разу не был глубже третьего уровня, а второй – с незапамятных времен «родная» стихия для «Молота». Конечно, создать новые такие же «покорители Вселенной» – мечта многих кораблестроителей, но вырастить такой же, как на «Молоте», мозг, способный управлять сразу четырьмя рейдерами, пока не удастся. А главное, как утверждают многие спецы, не удастся «поймать» для такого мозга соответствующую ему Искру Бога, без чего любой мозг – всего лишь сгусток серого вещества. Так это, или нет, но факт остается фактом, точно так же как остается фактом и то, что Кригус согласен контактировать только с Воррном.

Воррна привели в сознание, как всегда, первым. Он, конечно, мог бы выжить в Гиперпространстве и в нормальном состоянии: случалось такое уже не единожды. Но всегда оказывалось, что в таких случаях времени на восстановление уходило многократно больше и более болезненно, поэтому состоянием искусственной комы он не пренебрегал. К тому же это давало возможность отдохнуть от постоянного перенапряга за последние десяток-другой лет. Впрочем, и психику надо беречь. Второй уровень – это Внутризеркалье, – единственное пространство, где Время однородно, где одновременно можно находиться в разных точках Вселенной, и где в одной точке могут собраться, – об этом лучше и не говорить. В принципе, в Космосе скорость – величина абсурдная. Для путешественников важна, лишь, способность перехода от одной скорости к другой. И потому на гражданских рейдерах большую часть полета занимают разгон и торможение.

Недавнее настойчивое приглашение на работу непосредственно в Верховный Трибунал еще больше усугубило глубину нервного перенапряга Воррна: хотя его работа и была всегда связана с ВТ, но все же Воррн был как бы «на вольных хлебах», имел возможность не выполнять предложения, которые претят его личному кредо.

Воррн, как всегда, поблагодарил мозг рейдера за его отличную работу: «Спасибо, Кригус. Ты, как всегда, великолепен».

– Благодарю, Капитан... – Немедленно отозвалось в мозгу. – Каковы будут дальнейшие указания?

– Каково состояние десанта?

– По первым оценкам, неплохое.

– Ну, что ж? Начинай общее пробуждение. Первый рейдер – к вылету. Второй – в готовность. И, пожалуйста, связь с Драминой.

– Хорошо, Капитан. Связь уже устанавливается. Начинаю выполнять остальные приказания...

Терпеливо дожидаясь полного установления связи, Воррн внимательно вглядывался в «маячившую» перед глазами Драмину. Практически на всей видимой части планеты стояла призрачная темнота, только по горизонту занималось зарево нового дня, да несколько светлых пятен обозначали, всего скорее, города. Кригус, по давно уже заведенному правилу, вывел «Молот» в теньевую зону, так что, связи с Президентом может и не оказаться. Но, находясь в теньевой зоне, рейдер имеет время для маневра: ночью ПВО большинства планет хуже «видит» и медленнее «соображает»: меньше шансов «поймать» в корпус шальную ракету. Правда, на Драмине ракет нет, но порядок есть порядок.

– Кригус?

– Да, Капитан.

– Где резиденция Президента?

– Большое светлое пятно левее и градусов пять ниже. Сориентировать рейдер по оси?

– Не обязательно. Спасибо, Кригус.

– Докладываю: команда разбужена, потерь нет.

– Спасибо, Кригус. – и Воррном уже овладел азарт, как он сам говорил, охотника. – Пожалуйста, Корна и – (после короткого молчания) – Сибурна – на мостик.

Но, как только Корн и Сибурн появились в рубке, связь с Драминой установилась, так что они смогли услышать все из первых уст.

Коммуникаторы заранее были настроены на основной язык Драмины и еще пару диалектов, с которыми, возможно, придется столкнуться. Межпланетный язык, или Лингва, как прозвали на базах, – лингварный, на Драмине массового хождения не имеет, но в кругах Президента его знают.

– Центр Контроля за воздушным и космическим пространством. Вы нарушили границы планеты. В вашем распоряжении десять су, (странно, но коммуникатор перевел, минут). Отсчет пошел. – Лицо офицера на центральном экране выражало не только «высокую решимость», но и определенную, явно демонстрируемую, наглость.

– Это рейдер Верховного Трибунала Конфедерации. На связи – Координатор Воррн.

– Никаких указаний на ваш счет нет. Я требую покинуть воздушное пространство планеты. Иначе. – Лицо офицера, (или Генерала?), приобрело еще большую надменность.

– Капитан, а не послать ли нам парочку «указаний» большого калибра? – Раздался веселый голос Кригуса: все, (Воррн – тоже), вздрогнули: Кригус не имел голоса, в прямом смысле слова, а коммуникатор «Молота» порой преобразовывал его ментальный в звуки трудно переносимой высоты.

Вопрос Кригуса моментально сбил с офицера всю спесь, а в его голосе появилась растерянность, слегка усиленная коммуникаторами:

– Но... но я, действительно, не получал...

– А это уже Меня не интересует. – Воррн готов поставить на место любого, а не только дежурного офицера. – Мне необходима немедленная связь с Президентом, или, по крайней мере, с кем-то компетентным из его окружения. И потрудитесь доложить своему начальству, как вы встречаете представителя Верховного Трибунала. – Последнее, конечно, можно было не говорить, но во избежание дальнейших проволочек поставить на место зарвавшегося офицера Воррн посчитал не лишним.

Лицо визави, и без того не отличавшееся здоровым цветом, обрело смертельную белизну, офицер буквально запричитал:

– Простите. Простите, пожалуйста. Будьте снисходительны. Пожалуйста, не надо никому сообщать. Пощадите, у меня трое маленьких детей...

«Везде одно и то же», – прошептал Сибурн, а Воррн, уже зная, что дальнейшая растопность офицера гарантирована, уже миролюбиво успокоил его:

– Хорошо! Но в дальнейшем. – Дальше продолжать не было смысла.

Дальше, пока, по крайней мере, в воздухе, никаких препятствий не было. Связь с резиденцией Президента установилась за достаточно короткое время: всего скорее, она была постоянной, но желание «поиграть мускулами», как всегда, опережает разум.

Увы, связь, оказалась неважной: без видео, и треск в эфире такой, что можно услышать только отдельные слова, или короткие фразы. В конце концов, все согласовано: и время, и радиомаячки, и остальная «мишура».

Голос в эфире был сонным, постоянно путающим Лингву с языком планеты настолько, что коммуникаторы сходили с ума, если он до этого у них был.

Первый рейдер приземлился на президентский аэродром точь-в-точь с обговоренным временем. Из-за ближних строений тотчас выскочили три автомобиля, и на высокой скорости, губя белизну недавно выпавшего снега, начали приближаться к рейдеру. Два как бы были пустыми, а из окон третьего выглядывали стволы, всего скорее, стрелкового оружия.

Машины остановились метрах в двадцати от рейдера. Долгое время в них не наблюдалось никакого движения: стволы, при желании, можно было принять за нарисованные.

Ожидание явно затягивалось. Воррну это надоело первому.

– Раунграсс, люк.

Воррн, вальяжно потягиваясь, вышел наружу. Солнце, которое было напротив, уже всплыло над домами и, отражаясь от свежего снега, нестерпимо слепило глаза. Возможно, на это и рассчитывали встречающие. Воррн легко сбежал по трапу и остался стоять, внешне не выражая ни каких эмоций. И сразу же открылась дверь первого авто, и на снег спрыгнул малопредставительный человек, при этом, чудом не упав на скользкую поверхность уже подтаявшей и безвозвратно гаснущей чистоты.

Представился он, ни много, ни мало, Комендантом зданий резиденции Президента.

– Искренне рад засвидетельствовать свое почтение Великому Воррну. – Человек излучал такое сплошное радушие, что растаял бы воск. – Мне, как Коменданту, поручено встретить и разместить вас «по высшему разряду». Господин президент, к сожалению, во внеплановой поездке, – и вернется только через несколько дней. Ваше прибытие ожидалось позднее, поэтому, вероятно, и произошли некоторые нестыковки. Но не беспокойтесь, вам создадут все надлежащие условия. Информацию, которая вам потребуется, получите своевременно и в полном объеме. Так что, пока отдыхайте. – Комендант лихо отчеканил, вероятно, заученный текст.

Все, казалось, хорошо, но Воррна не отпускало чувство необъяснимой тревоги. Жаль, не удалось попрактиковаться в связи с Корном. Сейчас бы это не помешало, поскольку, не пришло еще время демонстрировать ни тревогу, ни озабоченность.

Корн не перестает удивлять. Он неторопливо сбежал по трапу, как ни в чем не бывало, прошел мимо и прошептал: «Я согласен. Тут что-то не так».

«Да, но пока соблюдать спокойствие. Оружие держать „под хвостом“, – (это означало – наготове, но скрыто)». Видеть скрытую угрозу – тема многих психологических тренингов, но для Воррна, а теперь и для остальных – теперь, своего рода, страховка.

Воррн отключился, но уже адаптеры отозвались частыми вибрациями. Его нервное возбуждение, похоже, активировало оружие: какое-то время световые индикаторы хаотично перемигивались, пока не остался горящим один, оранжевый. Сибурн и один за другим еще человек пятнадцать, прикинул Корн, высыпали на площадку. Нападение на рейдер довольно сомнительно, но и поведение «встречающей стороны» понять сложно.

«Штыки» все еще никак не проявляли себя, продолжая торчать в окнах, но теперь окна уже нельзя принять за нарисованные картины, ибо штыки неритмично покачивались.

Воррн продолжал беседовать с Комендантом, но, Корн услышал, что тон разговора начал приобретать жесткие нотки. И дверцы машин одна за другой открылись, но на волю никто не вышел. Что-то надо предпринимать, но что? Корн посмотрел на напряженную, как пружина, фигуру Сибурна, хмурые лица других бойцов, и решение пришло само собой. Блаженно потягиваясь, он зачерпнул горсть мокрого снега, скатал снежок и бросил его в Сибурна. Ответ прилетел незамедлительно. А следом подключились и остальные, какое-то время стояла веселая неразбериха: снежок мог прилететь с любой стороны, – только успевай увертываться, но постепенно игра обретала свою осмысленность: команда распределилась по площадке и теперь контролировала всю подозрительную территорию.

«Штыки» сменились сначала удивленными, а затем и заинтересованными лицами. С десятков солдат высыпали, было, из автобуса, но, получив, видимо, втык, с недовольными гримасами вернулись обратно.

И операторы в рейдере тоже не теряли времени даром – приводили в боевое состояние штатное оборудование. Воррн, боковым зрением заметив действия команды, остался весьма довольным. К сожалению, не удалось проверить команду в деле перед отлетом, но то, что сейчас увидел, говорило о серьезной подготовке. Вероятно, подобный вариант проигрывался десантниками на Базе, но, все равно, настолько слаженных действий от наспех собранной команды Воррн не ожидал. Что ж, с такой командой можно и «воевать». А с Корном надо, не откладывая в долгий ящик, поработать.

А в действиях Коменданта, похоже, просматривалась только одна логика: задержать десант на возможно большее время, но зачем? Что могло произойти на планете с момента заявки на космодесант? И, вообще, что происходит помимо того, что Драмина входит в очередную ледниковый период?

На все вопросы Воррна Комендант отвечал односложно: возможно, это связано с плохим знанием Лингвы, на котором он пытался говорить, вероятно, полагая, что на драминском его не поймут. Тем не менее, из его путаных ответов выяснилось, что поездка Президента связана с новым конфликтом, но не слишком якобы серьезным: это случается каждый год в сезон цветения и плодоношения крумпру. Чувствовалось, что Комендант ожидал интереса к этому факту, но вопросов не последовало, и он насупился и принялся носком вычурно расшитого сапога разминать вылетевший из-за машины снежок.

Корну изрядно надоел весь этот «балаган» с Комендантом: в то время как Воррн все еще пытался разговорить упряма, его заинтересовал сам аэро – (или космо?) – порт. Внушительные размеры его намекали на его большую значимость, но летательных аппаратов не видно, не видно и потенциальных пассажиров, коими должен быть заполнен большой аэропорт, если это не военный аэродром, но и самолетов, – а, судя по длине полосы, это должны быть самолеты, – нет. Низкие домики мало походили на ангары, – это, как бывший летчик, Корн не мог не признать. Впрочем, кто знает, какая здесь техника?!

«Разберемся позже» – Потеряв интерес к аэродрому, Корн обратил внимание на деревья, обильно рассаженные везде, где не было твердого покрытия. Издалека деревья смахивали на березы, особенно, когда они после преждевременного снегопада, но при ближайшем рассмотрении мелькнувшая искра радости от встречи с пусть напоминанием о родине сменилась разочарованием: листья оказались толстыми, уродливыми иголками.

– Не прикасайтесь к ним, – они очень ядовиты в это время. А еще и снег выпал не вовремя. – На полпути остановил его голос Коменданта. И очень вовремя остановил: с дерева, к которому Корн направлялся, на него метнулся огромный зверюга.

Честно говоря, Корн не успевал. Никто бы не успел. Да, и что толку? Сломать руки? Но это же естественная реакция?

А какова должна быть реакция на ослепительную вспышку перед глазами?

Корн, естественно, ожидал, что его сомнет эта огромная масса, но уж никак, не теплого липкого душа с примесью колких осколков. Теперь предстоит еще и длительная чистка, притом что и шита форма из немаркого материала.

– О нет! – Отчаянно простонал за спиной Комендант. – Это же Рут! Что я скажу Их Превосходительству? – Заметив удивленные взгляды Воррна и Корна, тут же пояснил. – Это же любимый плискант Их Превосходительства. Был. Что я теперь ему скажу?

– Но он же... – Начал Воррн.

– Нет-нет! Рут, вовсе, не напал, это он так играет. Играл. – Быстро перебил его Комендант.

– Сломал человеку хребет... – Пробурчал кто-то из десантников.

– Это случается крайне редко. Поверьте мне. – Плаксиво возразил Комендант. – Рут – очень добрый. Был. – Он тяжело вздохнул. – Кстати, мое имя тоже Рут. Их превосходительство...

Заметив, как Корн и Воррн перекинулись быстрыми взглядами, Комендант Рут пояснил:

– Конечно, это не обязательно, но Но, Господину Президенту нравится, когда его называют Ваше Превосходительство. Позволю себе рекомендовать учесть это. Так вот Их Превосходительство в шутку назвал своего любимого плисканта моим именем. Правда, милая шутка? – Засмеялся Рут Первый, как его тут же мысленно обозвал Корн.

И Воррн «услышал» Корна и насмешливо подтвердил:

– Конечно, милая!

Не заметив иронии, Рут просиял, и на радостях, тут же забыв, кажется, о плисканте, пригласил всех отобедать в отведенных им апартаментах. Десанникам, естественно, это не показалось лишним: желудки настоятельно требовали пищи, и будущее имело совсем неясные перспективы. Получив согласие Воррна, и не возразив по поводу того, что обедать будут по очереди, Рут что-то негромко приказал одному из вышедших из машины красочно разодетому, вероятно, офицеру. Офицеры мигом прекратили свое занятие, – а занимались они тем, что слишком уж вождельно не спускали глаз с оружия, работу которого они только что видели. Последовал короткий взмах руки, и из-за длинного приземистого здания выкатились еще с полдюжину таких же, как и первые, машин. Руки десантников мгновенно скользнули к оружию. Увидев подобную реакцию, Рут энергично зажестиковал руками, одновременно издавая нечленораздельные звуки. Воррн успокаивающе поднял левую руку, и руки десантников вернулись в исходное положение, но каждый был готов мгновенно вступить в бой.

Машины, неуклюжие и несколько неказистые снаружи, изнутри оказались выше всяких похвал.

Комендант, с первого взгляда определив, кто в команде – Главные, пригласил Воррна и Корна в свою машину. Корн оглянулся на Сибуерна, и тот сразу же почесал нос – «спокойно – все под контролем». А Воррн уже входил в машину. Комендант пропустил вперед Корна, вошел следом. Эта машина оказалась еще шикарнее: все блестит, обивка кресел – кожа, чья, не ясно, но выделки великолепной, – (дед Корна был знатным кожевником, какое-то время и внука пытался пристрастить к этому делу, пристрастить не пристрастил, но знания дал).

Машины оказались излишеством, либо, предназначались для совсем иной цели. Проехали метров триста-четыре всего, и оказались у трехэтажного помпезного здания с резными колоннами в виде фигур фантастического, – (а может быть, и нет: кто знает, какая здесь фауна?) – вида зверей. Все фигуры имели высоту метра три, некоторые – возможно, четыре, ну, что-то около того – возможно, их рост – видимость от обилия и помпезности фигур. Все это, и в самом деле, и удивляло, и подавляло. Как и несоразмерно длинная лестница, ведущая к парадному входу на втором этаже.

Корн краем глаза отметил, что солдаты остались сидеть в своей машине: охрана, или конвой? – но беспокоить остальных своим открытием не стал, а для себя решил держать этот факт под контролем. Уже передвигаясь по лестнице, Рут оповестил, что Резиденция Президента, – (то есть, «Их Превосходительства»), – находится напротив. А пристанище Рута, – (коммуникатор так и перевел: «Пристанище»), – сразу за зданием Резиденции. Машинально посмотрев в указанном направлении, Корн заметил в окне напротив поспешившую быстро исчезнуть фигуру. «Обложили, похоже, по-полному», – слегка усмехнулся он и пошел следом за остальными, неторопливо накапливая готовность к любым неожиданностям.

Еды оказалось много, неожиданно много, что абсолютно не соответствовало полученной характеристике планеты. Но выпивки не было. Слегка прикрытое неудовольствие десантников было явно заметно. Корн, как ни старался, так и не вспомнил сведений об алкогольных пристрастиях драмины. Рут, как раз, проходил мимо, и Корн без обиняков спросил, можно ли где-нибудь приобрести выпивку.

Рут сначала попытался выразить непонимание, затем туманно лепетал про трудное время, затем выяснилось, что все можно купить у Главного повара, но цена...

Воррн на предложение Корна сразу же согласился: «В разумных пределах – разрешаю». Выпивка оказалась рядом, за стенкой, там же находился и аппарат для списывания «кредитов». Цену повар вначале заломил запредельную, но после определенных намеков, посокрушался – посокрушался, да и скинул ее почитай в три раза.

Десантники справедливо меняли друг друга, кредиты незаметно, но таяли. Потом к десантникам присоединились несколько красочно разодетых офицеров. В общем, пиршество растянулось до обеда.

Рут, как устроитель завтрака, усердно принимал участие в торжестве и, в конце концов, «наклюкался», – и разговорился. Оказалось, что и плисканта он ненавидел всей душой, что все ему надоело, а удерживает его в Резиденции только любовь к дочери Президента. Он стал настолько разговорчив, что на него начали коситься уже тоже изрядно пьяные офицеры.

Корн, подозревая назревающий конфликт, без особого труда вывел Рута на улицу. Рут сильно шатался, вис на Корне и требовал отвести его к невесте. Воррн, конечно же, полностью контролировал ситуацию: правая рука – сзади, – ничего страшного, действуй.

Воррн малость ошибся. Рута, что называется, «понесло»: то он плакал, что его не любят, то хвастался, какой он ценный. А уже у входа в Резиденцию, тоже на уровне второго этажа, чуть не перевалился через перила на растущее внизу точно такое же дерево, какое Рут недавно назвал ядовитым. Чудом Корну удалось его поймать, после чего благодарность Рута потеряла всякие границы. Напрасно Корн понадеялся, что все закончилось: из резко распахнувшихся дверей выскочила девица и принялась хлестать Рута какой-то тряпкой, выкрикивая на ходу смесь, видимо, ядреных ругательств, не воспринимаемых коммуникатором.

«Похоже, это и есть невеста! Однако, крута». – Определил Корн. Как поступать в таких случаях, он не знал, и поэтому стоял с видом тоже провинившегося человека. Наконец, невеста исчерпала весь свой гнев, – и только тогда заметила скромно стоящего рядом Корна.

– Извините, пожалуйста. – Ее бледное лицо быстро покрылось пунцовыми пятнами, и она, смутившись, скрылась за дверью.

– К невесте мы не пойдем. – Изменил свое решение Рут. – Пойдем ко мне. Найдем там бутылку-другую вина. И пусть кое-кто потом просит прощения. – При последних своих словах он тревожно покосился на дверь.

В домике Рут немедленно ушел за вином, – и пропал. Корн пождал-пождал, а потом заглянул в соседнюю комнату, и нашел Рута крепко спящим на голой скамье. Убедившись, что с Комендантом ничего не случится, он вернулся к десантникам.

Его уже ждали. Все планы коренным образом переменились. С Воррном сумел связаться его агент. Всей информации агент не знал, но и то, что известно, говорило, что ситуация на пла-

нете начала приобретать состояние чрезвычайной, и требовала самого оперативного вмешательства. Воррн уже затребовал сопровождающего, и с нетерпением ждал его прибытия.

Глава четвертая

ДРАМИНА – ЭТО ДРАМА?

Планета Драмина. 3011 год приведенного времени.

1. Тревожное пробуждение

Гиранд проснулся в ужаснейшем состоянии. Такого состояния не бывало, пожалуй, лет десять. Конечно, он не вскочил с кровати и не бросился выяснять причину его. Совсем не к лицу ему, хозяину двух, или, считай, трех земель уделять много внимания дурному настроению. Ну, болит голова, – так кружка доброго вина снимает любую боль. Может быть, лежал не так, или сон был плохой... Сна он так и не вспомнил, зато, вспомнил, что в его сети попала заветная дичь и давняя его страсть – Зака. Да, как ловко все получилось! Зака теперь молиться будет на него за свое спасение – как-никак, это он «спас» ее от «насильников». Жаль только, что нельзя торопить ее, овладеть ее телом сегодня же: Зака – женщина горячая, может и руки на себя наложить, или, что хуже, и кинжалом пырнуть, как вчера этого дурного Собла, когда тот вдруг решил позабавиться с ее дочерью. Дочь! Так, вот она – причина его дурного состояния.

– Зув! ... Зув! – Что есть мочи заорал он. Не услышав за дверью ни единого движения, Гиранд злобно метнул в дверь опустевшую кружку, и дверь, царапая пол глиняными осколками, тотчас распахнулась. Полусонный Зув, споткнувшись об осколки, схватился, было, за метелку, но Гиранд нетерпеливо одернул его:

– Все спишь? Смотри, попадешься под горячую руку – сдеру три шкуры. Девчонку нашли?

– Нет, хозяин. Как сквозь землю пропала. Все, что могли, обыскали. – Зув виновато разводил руками, всерьез опасаясь за три свои шкуры.

– Может, и сквозь землю. – Задумчиво, сквозь зубы, пробормотал Гиранд: поговаривают, что девчонка вроде бы в прапрадеда своего пошла: есть в ней какая-то Сила, – говорят, посмотрит своими глазницами – мурашки по всему телу. Да, и самому Гиранду не единожды становилось не по себе, когда, случалось, пересекались их пути.

– Что, хозяин? – Не расслышал Зув.

– Ничего. Одежду неси. – Грубо оборвал его Гиранд и рывком поднялся с кровати, умудрившись одновременно энергично почесывать волосатую грудь. Гиранд совсем не похож на других драминов: в отличие от них был более чем волосат, и кожу имел грубую и совсем не такую бледную. Некоторые намекали, что он из племени северян, когда-то перекочевавших южнее, а потом разбавивших свою кровь кровью неженков-южан, но так и оставшихся северянами по духу и плоти, а кое-кто выдвигали и вообще фантастическую версию: будто бы отцом его является некий застрявший на Драмине инопланетянин. Своего отца Гиранд не помнит совсем. Был он, или нет, теперь однозначно останется тайной. Так это, или нет, но Светило его не обжигало, и кожа не покрывается пузырями при длительном нахождении обнаженным под палящими лучами. В отличие от горожан, для которых бледность кожи – чуть ли не признак причастности к знатности рода, для Гиранда и его сподвижников, наоборот, чем грубее кожа, тем сильнее «кровь», а значит, сильнее род. Осталось их, к сожалению, немного, – пара-другая десятков настоящих мужчин. И сотни, тысячи других, готовых безоговорочно пойти с ними до конца за правое дело – за право сильного решать все в этом мире.

Гиранд, как всегда – небрежно, натянул на себя засаленную, давно требующую стирки одежду, затем, всем телом ощущая ее запущенность, брезгливо скинул все в угол и, не взглянув, слушает его Зув, или нет, буркнул сквозь зубы:

– Снеси все Лу. Пусть стирает. С оплатой не скупись, не бедный я, хватит разговоров о моей жадности.

Зув покорно склонил голову, но не издал ни звука. За многие годы с того времени, когда Гиранд купил Зува у торговца оружием, они настолько привыкли к такому стилю общения, что, кажется, другого уже и не представляли. Один только раз Зув не выполнил распоряжение,

и не потому, что забыл, а потому, что справедливо посчитал, что это нанесет вред его хозяину, и был так жестоко избит за это, что с тех пор угроза содрать три шкуры казалась, пожалуй, страшнее смерти. Поэтому он моментально исчез за дверью, и тут же появился с другим комплектом одежды.

Гиранд из всего этого надел только брюки. Он размашистым шагом прошел до выхода, и коротким, но сильным, ударом ноги распахнул дверь. Светило, ярко отражаясь от скопившейся за ночь лужи, ударило в глаза, ослепило на долгое время. Но такое состояние всегда только радовало Гиранда, вот, и сейчас он остановился на пороге с закрытыми глазами, нежась под согревающими лучами, пока не прошла веселая карусель разноцветных кругов.

Погода, кажется, одумалась. Минувшие трое суток многим показались наказанием Творца за все прегрешения. Еще бы! За какие-то кро-су разыгралась такая круговерть, что день стал ночью, и это притом, что земля побелела от выпавшего снега.

Гиранд уже начал опасаться, что не выполнит договор. Опасаться ли? Он же почти согласился с Ярном, что это как раз и есть наказание-предупреждение за то, что они хотят сделать.

Но вчера с рассвета пошел дождь, – и лето вернулось, а договор пришлось выполнять.

– Принесите еду в сад. – Крикнул он, не обращаясь ни к кому, и, не дожидаясь ответа, начал обходить лужу, поскользнулся и едва не упал.

Зув, услышав крепкую брань, юркнул за двери и поспешил на кухню. Там он как бы не увидел, как потешаются у окна поварята. Лишь, тихо спросил:

– Еда-то готова?

Вместо ответа испуганные поварята схватились за миски и поварешки, мгновения – и вереница подносов уже летела к выходу.

Прием пиши, независимо от времени и места, всегда в этом доме походил на ритуал. Гиранд не устанавливал единого времени и числа едоков – одно лишь условие: ровня с ровней. Ровней себе он считал тысяцкого, сотников и еще десяток-другой человек, причастных к большим делам. Во время еды, как правило, решалось множество вопросов, планов, а так же наказаний и поощрений. Невозможно угадать и опасно не угадать время: о жестокости Гиранда, не случайно, ходили вести одна другой страшнее. Поэтому сообщение о том, что стол накрывается, веером разлеталась по поместью, не оставляя безучастным никого, ибо виновного в обрыве этого ритуального «веера» ждало наказание не меньшее, чем опоздавшего, или не явившегося.

– Где Га? – Глядя в тарелку, сурово спросил Гиранд, опять не обращаясь ни к кому. – Совсем распустились. – Он в сердцах стукнул кулаком по столу.

– Га зализывает раны. – Неприкрыто усмехнулся Сол, извечный соперник Га за место возле Хозяина. – Со вчерашнего дня так и не поднялся. – Несмотря на извечную вражду, тем не менее, смягчил он свое сообщение.

Гиранд надолго, не скрывая угрюмости, замолчал, остальные, человек двадцать, подождали-подождали, и принялись за еду. Молчание затянулось, и все уже начали считать, что гроза миновала, как вдруг Гиранд грохнул по столу кулаком так, что стопка мисок подскочила и свалилась на землю.

– Где Зака? – Он только что не взревел, быстрым взглядом окидывая всех. – Я спрашиваю, где Зака?

– Хозяин, прости великодушно. Не успел предупредить. – Зув выскользнул из-за куста, но остановился на безопасном расстоянии. – После вчерашнего Заке очень плохо, поэтому еду ей унесли в ее комнату. – И Зув осмелился поднять голову. Гиранд сразу погасил гнев, примирительно махнул Зуву рукой, и тот тут же исчез из виду.

– Девчонку нашли? – Похоже, гроза только начиналась: глаза сами опускались под грозным взглядом Гиранда. – Я не понял, девчонку нашли?

– Нет, Хозяин. Информация противоречивая. Кто-то видел ее возле того ненормального, Ларака, кто-то видел ее с дедом. Рут сообщил, что она, вроде бы, в Строгоре, но он сам ее не видел. А еще он сообщил, что сюда едет Президент. Но главное, прилетели десантники. – Не переставая пережевывать внушительный кусок мяса, скороговоркой выпалил Сегул. Торопливость его была легко объяснима: трапеза может быть прервана в любой момент, и когда-то еще удастся поесть снова.

– Слава Творцу, наконец-то... – Вздохнул Гиранд. – Надеюсь, на этот раз оружия будет достаточно.

– Новость плохая, Гиранд: десант привел небезызвестный тебе Воррн.

– ЧТО? – Гиранд, кажется, взвился до самых небес. – Почему я узнаю это только сейчас? – Перегнувшись через стол, он ловко схватил Сегула за кадык, – излюбленный, между прочим, жест, – и крепко сдавил его между указательным и средним пальцами.

Сегул мычал, но говорить не мог, хотя и вырваться не пытался.

Наконец, Гиранд решил, что наказания достаточно и горло отпустил, но на скамью не сел. Сегул низко опустил голову, одновременно обозначая смирение и прикрывая шею от возможной очередной экзекуции.

– Я повторяю свой вопрос: почему?

– Так, это Рут виноват: позвонил мне, когда я уже подходил сюда.

– Что он еще сообщил? – Гирант оставался стоять, неотступно глядя на Сегула сверху вниз, отчего того все сильнее пригибало к столу.

– Еще он сказал, что Президент едет в Ильп, но, возможно, заедет сюда.

– Хватит о президенте: с ним разберемся потом. – Оборвал Гиранд. – Меня интересует Воррн... Что? Куда Маршин едет? – Гиранда как током ударило. – В Ильп? – Он сел, нервно постукивая пальцами по столу. – На еду – десять су! Через два-десять су тысяцкий и сотники – ко мне в кабинет. Все. – И тяжелым шагом прямо по луже пошел в дом. Зув, громко охая и одновременно дожевывая на ходу кусок мяса – за столом он не сидел, но еды ему перепало достаточно, – опрометью бросился следом. И не зря! Из-за двери уже доносилось: «Зув!». «Я здесь, Хозяин».

За столом быстро «дожинали» остатки еды и один за другим растекались по своим делам: день сулил быть жарким, в прыном и переносном смысле.

Маршин Биелоз (в быту), а вообще-то, гражданин Президент, нервно кусал губы после каждого ухаба, коих было на дороге немерено, охал и проклинал все: и дорогу, и свое решение, и вконец обнаглевшего Гиранда. Толком всего, что произошло в Ильпе, Маршину не объяснили, но дежурный секретарь заверял, что произошло что-то, очень ужасное, что замешан в этом Гиранд, и что народ взбунтовался и требует – (прямо-таки, требует?) – присутствия Президента. Ехать, конечно, пришлось: скоро выборы. «Чистая формальность!», – но, хоть, все и решали власть и деньги имущие, в прошлый раз Маршин едва не проиграл, когда против него выступила Крайна Нга. Если бы не Гиранд.... Додумать Маршин не успел: левое колесо провалилось в очередную лужу, полную грязной талой воды. Маршин больно стукнулся головой о лобовое стекло, от чего в глазах поплыли желтые круги. Он накинуся с бранью на водителя, но тот за словом за пазуху не полез: «Дороги надо ремонтировать!» и отправился вызволять застрявшую машину.

Маршин тоже выбрался на волю поразмять косточки. Сейчас бы на Родо, где пик цветения крумпру: ветер, кажется, уже доносит их ароматы. Так, нет, надо ехать в Ильп, а это четыре по сто кле жуткой дороги: к сожалению, аэродромов вблизи Ильпа нет, вертолеты – еще более жуткий вид транспорта, гравипланы – ненадежны, и почти все в неисправном состоянии. Прямо, беда!

Очередной затяжной порыв ветра сорвал остатки тумана на горизонте и открыл окраины городка. «Гиранд, возможно, еще у себя» – Пришла неожиданная мысль, которая тут же переменяла все планы.

– Едем в Гард. К Гиранду. – Скомандовал он водителю, неуклюже усаживаясь в кресло. Освобожденная машина лихо рванула с места, чтобы тут же уткнуться в очередной ухаб. После этого, получив подзатыльник от охранника, водитель сбавил скорость и уже тщательнее объезжал каждую ямку на дороге.

2. Боль

Гиранд улегся на ничем не покрытую скамью из саталового дерева, как делал всегда после приема пищи: нежная, прохладная древесина успокаивала и тело, и разум, – при самых трудных обстоятельствах мысли быстро упорядочивались, и всегда, поскольку, до сих пор и жив, и здоров, и богат, и властен, находилось правильное решение. Сегодняшняя ситуация – одна из обычных: ни лучше, ни хуже. Конечно, появление Воррна сильно осложняет ближайшие дни, – этот служака Закона крови может попортить много, но Гиранд не будет Гирандом, если не найдет единственно верное решение.

Тысяцкий и сотники собирались в кабинете, представляющий, скорее, зал для торжеств. Конечно, ни каких драгоценных камней, – к коим Гиранд всегда был равнодушен, ни серебра и золота, коим место, по мнению Гиранда, одно, точнее, два: на женской шее и в технике, к которой он относил и оружие. Зато, саталовое дерево было везде: столы, скамьи, отделка стен. Этот довольно редкий, и непомерной цены материал, Гиранд добывал везде и всеми правдами и не правдами: покупал, похищал, отнимал...

Очень частое видение из детства: мать, только что отчаянно защищавшая еще не достигшее своего могущества деревце сатала, падает на землю, разрубленная ударом чужеземной сабли. Оно приходило так часто, что – Гиранд не клялся, но это пришло само – мысль, собрать, забрать (какая разница, как!) весь сатал, воплотилась в навязчивую идею, а затем и действие. Одно время он отбирал даже амулеты, но, собрав уже изрядную коллекцию, получил такой жесточайший удар, что оправлялся от него несколько лет, пока, по совету знахарей, самолично не развез амулеты их владельцам. В дальнейшем амулеты, на что, впрочем, в основном, и идет сатал, Гиранд не отбирал, но в Крайнах, где он безраздельно властвует, не осталось ни одного зрелого дерева. Конечно, о нескольких саталовых деревьях, растущих в частных владениях, Гиранд хорошо знает. Знает, как их лелеют и оберегают их владельцы, потому, как знают, что Гиранд никогда за ценой стоять особо не будет: купит созревшее дерево, конечно, не по заоблачной цене, но семьи получают хороший прибавок к основному заработку. И поэтому многие все свободное время проводили в поисках слабеньких росточков сатала в ареалах их прежнего обитания: семена этого удивительного растения могут пролежать в земле десятки и, возможно, и сотни лет, – и вдруг прорасти. Счастливчик, сумевший пересадить росток на свой участок, получал практическую неприкосновенность, конечно, от всех, кроме Гиранда, – своего рода налог платить приходилось своевременно.

Заметив, что собрались все, Гиранд поднялся, натянул прямо на голый торс толсто вязанный свитер и сел за обширный саталовый стол. В кабинете, как всегда, было прохладно, и стол имел приятный дымчато-голубоватый цвет. Всем известно, что сильно охлажденные саталовые доски белеют, при нагревании – краснеют, если перегреть – чернеют. В саду, например, стол во время приема пищи отливал то красным, то малиновым цветом. Гиранд не торопил собравшихся, и не потому, что спешить некуда, – спешка-то, как раз, и нужна, но вариантов накапливалось слишком много, а решение нужно одно.

Наконец, он тяжело поднял голову.

– Все собрались?

– Бигватора нет.

– Где? – Гиранд вспомнил, что и за завтраком его не было.

– В Ильпе.

Не дождавшись продолжения, Гиранд сразу вскипел. – Мне, что, каждое слово клещами тянуть? Что в Ильпе?

Тысяцкий не стал дожидаться «закадычной терапии» и принялся торопливо докладывать. – В Ильпе еще с вечера начались волнения. Перед пустырем собрались тысячи родствен-

ников тех ... – Слаб не стал уточнять, кого, – все и так ясно. – В любой момент может начаться бунт. Все требуют Президента. Да еще этот, как его?..., Ларак воду мутит, будто бы прилетел Верховный Трибунал. – «Что? Тысяцкий пропустил информацию о прибытии Воррна?», – Гиранд пребольно натянул волосы на висках, – такой прием часто гасил нарастающий гнев. Вспышка, и в самом деле, сразу прошла, но вместо нее накатила усталость, – следствие то ли последних дней, толи утреннего настроения.

«У-у-у-у!», – не то простонал, не то прорычал Гиранд, затем в сердцах ударил по столу.

– Где они сейчас? – Он устремил на тысяцкого с каждым биением сердца тяжелеющий взгляд, от которого уже не увернешься: только отвечать, причем точно, словно пред Всевышним, а иначе

– Говорят, что Рут постарался их задержать. Застолье, сказывают, организовал.

– Небось, опять ограничился двумя бутылками какого-нибудь дерьма? – Грубо перебил Гиранд. – Что дальше?

– Ага, постарался. – Усмехнулся Шуруш – Выпивку они покупали сами. Зато, он упился так, что его увел домой один из этих.

– Ну, блискантово дерьмо! – Выругался Гиранд. – Увижу, – обдеру до костей. Хотя, у него их, похоже, нет. – (Вспыхнул и тут же угас короткий общий смех). – Пора подумать о замене. Понял, Слаб?

– Понял.

– Теперь об Ильпе. Шуруш, свяжись с Бигватором. Срочно пусть все зачищает, но особо не светится там. И пусть постоянно находится на связи.

Гиранд замолчал, и надолго установилась звенящая тишина, которую разбил громкий звонок телефона Шуруша. Шуруш с пяток су с кем-то громко ругался, затем бросил телефон на стол.

– Только что позвонил Кейрет. Рейдер с тремя десятками десантников готов вылететь из Строгора. – Доложил Шуруш. – Ждут проводника.

Услышав последнюю информацию, Гиранд обреченно поднялся и направился к скамейке.

– Перерыв десять су. – Бросив в угол, с остервенением сорванный с себя, свитер, и, укладываясь на скамью, грубо оповестил он. Невероятная жгучая тяжесть навалилась на сердце, не давая ни дышать, ни шевельнуться. Случилось такое раз третий, нет, четвертый: незнакомая, опустошающая боль пугала, делала Гиранда слабым, пленником того, чего он боялся всегда, что всегда ненавидел и в себе, и в людях, – немощной слабости.

Но было еще одно обстоятельство, требующее серьезной оценки. И оно – тоже причина его дурного настроения. Согласившись на заманчивое предложение храмовников, Гиранд не учел, что всегда непокорный Ильп поднимется на бунт, что не отдаст он трупы вчерашних бунтовщиков. А зря не учел. Мог ведь догадаться, что храмовники не имеют в Ильпе и малейшего влияния. Как и он сам. Одно к одному. Ильп вдругорядь отказался платить ему налог по причине недорода. И это стало неким оправданием для выполнения договора. Сегодня некогда разбираться, почему не хватило энергии для установок, почему не заработала самая мощная.

Ему не удалось разогнать горожан, поднявшихся на защиту своих погибших земляков. Хорошо еще, что самим удалось вовремя убраться из города. Удалось ли?

Перерыв затянулся не на десять су, а чуть ли не на пол-кро-су. Гиранд не торопил, а Зув не пропускал остальных через дверь. Все так и толпились перед нею, став невольными свидетелями того, что и могущественный Гиранд не бессмертен. Это еще больше усиливало боль. Но Гиранд неожиданно для себя понял, что конец может наступить вдруг и сейчас. Но не сейчас же?! – Теплилась надежда, – и он не стал торопить судьбу.

Наконец, сатал сделал свое дело: боль мало-помалу ушла, вернув на место полную готовность, мыслить и действовать. Но страх ожидания конца уже остался, остался навечно, – уж это-то Гиранд теперь знал наверняка.

Как только Гиранд поднялся, все хлынули к столу, инстинктивно пряча глаза, будто бы и не видели Гирандовской слабости, торопливо садились на свои места. Ох, если бы знал Гиранд, что пришло к ним и неожиданное облегчение, – а Хозяин-то не так уж всесилен! – и неожиданная неуверенность в завтрашнем дне, – а что станет с каждым из них, когда не станет руки, из которой они кормились. Семьи имели только трое, остальные либо не имели их никогда, либо растеряли – каждый по своей причине, но уже не жалели об этом, довольствуясь мимолетными связями, кормежкой с хозяйского стола да частыми кутежами, – жалование имелось вдоволь, хватало и на то, и на это. И Гиранду было это на руку: сотники всегда при нем, а злчные места все принадлежали тоже Ему, поэтому и денежки исправно возвращались на место.

Гиранд нарочно не стал дожидаться, когда все усядутся, всем видом показывая, что не было боли, а была лишь заминка в связи с новыми обстоятельствами.

– Решение следующее. – Гиранд не старался привычно смотреть в глаза, инстинктивно боясь поймать хотя бы малейшее сочувствие, не говоря уже о превосходстве. – Срочный сбор всех, кого отловите. Главное, операторов этих, как их... – Он так и может запомнить название установок.

– ПНЛП.– Подсказал Гой, сотник под чьим командованием находятся эти установки.

– Вот-вот! нэлэпэпули. – Переверив буквы, подтвердил Гиранд. – Как там эта, ну, большая?

– Считай, восстановили. Осталось слегка отрегулировать.

– Доделаете в дороге. Теперь дорога каждая су. Если Бигватор не подчистит следы вашего ослушания, то дела плохи. Вот к чему привело ваше желание поразвлечься. – Гиранд вошел в иступление, тряс кулаками перед глазами. – А тебя, плискантово дерьмо. – Коротким ударом он сбил Короту на саталовый пол. – Тебя, если начнутся серьезные проблемы, вздерну на центральной площади твоего Короту, как делали это в старые добрые времена, и не посмотрю, что у тебя самая лучшая сотня.

В это время распахнулась дверь, и из нее выплыл, тяжело отдуваясь, Президент.

– О! Да, здесь совещание?! Прекрасно. Сразу... – Маршин поискал глазами место, где можно приземлиться. – Сразу и разберемся.

– Разберемся. – Усмехнулся Гиранд. Он вышел из-за стола и отвел гостя к единственному мягкому диванчику. – Все – за работу. Тысяцкий, отдохни – («не подожди, а именно отдохни», – отметили все) – в саду. Корот, ждешь там же.– При этом Гиранд сделал такой выразительный жест, что ему больше не надо приказывать: беги, и как можно дальше.

Подведя Маршина к дивану и услышав, что сзади все стихло, спокойно спросил:

– Вина?

– Не откажусь. – Маршин знал вкус вин у Гиранда: выбор не слишком велик, но те, что всегда присутствовали в достаточном количестве, были великолепны.

– Зув!

– Я здесь, Хозяин. – Зув уже семенил с двумя кружками вина.

– Снеси еще одну Сегулу. Почему-то на столе вина не было? Разберись.– Гиранд кивком отпустил Зува, одновременно давая понять, что свидетели разговора не нужны. – И угости еще этих. – Он кивнул на окно. – На кухне пусть подсуеются. – Гиранд привычно не выпускал из поля зрения ни одной мелочи.

Зув едва ушел, а из дверей выскочили поварята с дымящимися подносами. Гиранд сам выдвинул небольшой стол, специально предназначенный для таких встреч, коих на дню было немало. Ему неоднократно приходилось слышать упреки, что большинство жителей голодают,

многие умирают от истощения, а он жирует. Но все упреки он пресекал в корне, действительно, кухня его поместья работала практически круглосуточно. Не держал впроголодь и дружинников, в основном набранных из когда-то отчаявшихся, а теперь познавших сытую жизнь «нужных» людей, и потому служивших рьяно. Кое-кто к тому же обзавелся семьями, и Гиранд приветствовал это, и потому кормил и их семьи, прекрасно понимая, что грядут тяжелейшие времена, когда только своя армия защитит его от многих бед. Эта же армия давно уже собирала все необходимое и свозила в многочисленные закрома, числа которым он не знал. Их постоянно строили, заполняли до отказа и строили дальше. Их этажи уходили в землю, росли вверх, давая надежду на то, что удастся пережить самое голодное время не только ему, но и части его воинства. А еще надо сберечь женщин, лучше девочек: когда придут тучные годы, главной задачей будет нарастить и уберечь, воспитать, наконец, население. И тогда он станет Творцом этого мира. Ему будут поклоняться, и не только из боязни. Его будут ЛЮБИТЬ. Если...

Холодный пот накатил волной. Руки разом ослабели, и, расплескивая вино, Гиранд спешно поставил кружку на стол. Он, не вставая с сапалового кресла, – мягких диванов он не признавал категорически, – дотянулся до свитера и спешно надел его. Это слегка обогрело, и Гиранд снова взялся за кружку.

– Что привело в наши края? Или по дороге на Родо сюда завернул? – С усмешкой проговорил он, попивая начавшее ударять в голову вино.

Маршин словно только и ждал вопроса обрел, наконец, решимость и, нагоня суровость в голосе, спросил:

– Ты чего тут творишь, Гиранд? Совсем с ума сошел?

– Что творю? – Протянул Гиранд, ставя недопитую кружку на столик. – Что творю? – И внезапно сделал резкий выпад рукой вперед, пытаясь повторить недавний трюк. Не получилось: потная, толстая шея выскользнула из руки. Маршин вскочил, чуть не начав звать охрану. – Ты кого, плискантово дерьмо, слизняк ползучий, допрашивать приехал? Или забыл, чьими объедками питаешься? – Гиранд демонстративно унижал «всеми обожаемого» Президента. – Или напомнить тебе, Ваше Высочество, кто тебя на этот пост поставил?

Гиранд, не спеша, встал. Унимая гнев, прошелся по кабинету, затем быстрыми шагами вплотную приблизился к снова осевшему в кресло Президенту, тучей навис над ним:

– Это ты что творишь? Почему я только сегодня узнаю о Воррне? И где Риф?

Гиранд нагромождал вопросы один на другой, не давая опомниться:

– Молчишь? Запомни. – Он ухватил Маршина за отворот дорогого «президентского» костюма, притянул к себе:

– Запомни, если у меня начнутся, хоть, вот такие неприятности, – При этих словах он показал последнюю фалангу среднего пальца. – Нет, хотя бы такие... – Последовали те же действия, но с мизинцем. – Я тебя в порошок сотру.

– О Воррне я и сам не знал. – Начал оправдываться Маршин.

– Врешь опять! – Зарычал Гиранд. – Рут сказал, что тебе все было известно. Ты думаешь, тебя не контролируют? Не дожدهшься.

– Не вру я, чем хочешь, поклянись. – Испугался Маршин. – А Риф, говорят, погиб на Вен-тре. Что же теперь будет, Гиранд? Что делать?

– Что делать?? – Гиранд снова прошелся по кабинету. – Что делать? Что делать? – Повторяя круг за кругом один и тот же вопрос, Гиранд подходил к единственно верному, на его взгляд, решению.

Наконец, он подошел к окну, выходящему в сад, с силой распахнул его:

– Сегул, зайди! – И, не дожидаясь прихода тысяцкого, начал. – А теперь придется выполнять все, что скажу я. И, если отступишь от приказа хоть на шаг, считай себя уже трупом. Трупом, в котором тебя будет невозможно признать.

– Проходи, Сегул. А теперь оба слушайте внимательно. – Привычно шлепая на ходу ладонями по бокам, Гиранд с удивлением заметил, что снова находится без свитера. Странно, но он так и не вспомнил, когда успел его снять. «Старею, наверное», – сделал он внезапное, неприятное открытие. Снова кольнуло под сердцем, но без боли, лишь, напоминая о бренности этого мира.

– Маршин. Президент, – Ваше Высочество, говорить не буду, не по чину, так что не обесцудьте. – Едко поправился он, заметив неудовольствие Маршина при первом слове. – Президент сейчас едет в Ильп и, как можно дольше, сдерживает толпу, а главное, десант. Мы срочно загружаемся и на машинах едем следом. Установки разворачиваем на ходу. Батареи, надеюсь, заряжены, и не придется как вчера в самый горячий момент подключаться к аккумуляторам машин. Разворачиваемся по той же схеме, что и вчера. Исключение только в том, что прибавляется еще одна, более мощная, установка, но ее задействуем только тогда, когда мощностей первых трех будет недостаточно. Тебе, Маршин, – (не оглядываясь на Президента), – нужно, – правда, если хочешь остаться живым, спешно, как только начнут работать установки, – продвигаться к машинам. Ждем два су. Не успеешь – сам виноват. Свидетелей, – не как вчера, – остаться не должно.

– Это же война... – В ответ еле слышно прошептал Маршин Биелоз, пока еще законно избранный Президент планеты, чьей главной обязанностью является, как раз, поддержание мира и порядка. Он побагровел и начал медленно подниматься с диванчика, но тут же силой был впихнут обратно.

– Война? Может, и война. Война, все равно, в ближайшее время начнется, или уже идет, только мы не видим. Какая разница: днем раньше, днем позже? Никакой! – Лицо Гиранда с каждым словом каменело все больше, на скулах выступила несвойственная ему белизна. – Ледниковый период не отменим ни ты, ни я, ни этот всесильный Воррн. Никто! Очень скоро, поверь, жители планеты начнут есть себе подобных. Выживут только сильные. Я – сильный, хищник, если хочешь. Ты? – не знаю.

Гиранд снова начал «поход» по кабинету, но тут же вернулся обратно:

– А знаешь, что случится, если я не усмирю этих смутьянов? Завтра они пойдут на меня. И, если сомнут меня, что – вряд ли, послезавтра пойдут на тебя. Жажда крови, знаешь ли, наркотик посильнее пошла из плодов крumpру. – Гиранд чеканил слова словно вбивал сжавшегося Президента в неожиданно ставший не таким уж и мягким диванчик.

– Вот что: Сегул, поедешь с ним в его машине. Если что-то – не так, сдираешь с него шкуру живьем. Возьми с собой одну из тех штуковин, которые привез наш друг Ауралат. Надо же когда-то использовать. – Скривив лицо, усмехнулся он и, предвидя вопросы, тут же добавил. – Здесь сам справлюсь. Все. В путь!

Отправив собеседников, Гиранд хотел, было, снова улечься на скамью, но передумал, принялся натягивать свитер, снова не понравилось, крикнул Зува.

Услышав сзади тихий шорох, не оглядываясь, как отрубил:

– Форму мне. Полную!

Зув быстро исчез, и тут же возвратился с тяжелым, пригибающим к полу, комплектом, волоча к тому же по полу тяжелую, украшенную золотом саблю, одно из немногих, где золотому украшению, по мнению Гиранда, и полагалось быть.

Гиранд сноровисто подхватил саблю, при этом, чуть не повредив Зуву палец, на котором она висела. Зув громко охнул, но белье умудрился не выронить.

– Сабля-то зачем?

– Так война же. – Зув смешно развел освободившимися руками.

– Вот дурень. Эта война – не на саблях. – Хотелось добавить: «Эта война – на нервах», но Зува этого не понять. Неизвестно, на какой планете подхватил его Ауралат, но ему так тяжело далось путешествие в космосе, что космический торговец едва ли за бесценок продал

своего слугу Гиранду. А Зув оказался ценным работником: нянька, телохранитель, домохранитель, раб, наконец, – перечень его обязанностей был обширен, но он всегда, и везде успевал, хотя, при этом, его представления о мире были на уровне, если не первобытном, то весьма далекого прошлого. Конечно, если по справедливости, знания о мире у жителей Краин не лучше, если не хуже. Зув, по крайней мере, кое-что знает о космосе. Гиранд вздохнул: его знания о космосе тоже чисто разговорные. Для драминян космос заказан навсегда, всего скорее, и для него тоже. Все бы ничего, но проверить это можно, только «сунув нос в огонь», но все смельчаки с деньгами, попытавшиеся сбежать от грядущей катастрофы, вернулись обратно в непрозрачной упаковке. Поэтому Гиранд и зарывается в землю, а не рвется вслед за ними.

Гиранд вытащил саблю из ножен, немного помахал ею, изображая бой, затем, охватив ее обеими руками, поднес к губам и поцеловал. Откуда взял этот обычай, он и не помнит. Возможно, показал это торговец, продавший ему саблю. Откуда он привез ее, и чей это обычай, тогда, по молодости лет, Гиранд не спросил, да, теперь это и не важно. Подержав немного в руках, Гиранд вложил саблю обратно, но Зуву не вернул, а положил на скамью и начал неспешно одеваться. Тесная одежда ему никогда не нравилась, поэтому сейчас он непрерывно морщился, кряхтел, а когда оделся, хотел все скинуть. И, если бы не торопливо вбежавший, запыхавшийся вестовой, Улон, кажется, наверное, так бы и поступил, а теперь что ж тут ...?

– Тебе чего?

– Все готовы. Вас ждут. – На вытяжку остановился вестовой. Он еле переводил дыхание. «Однако потолстел. Гонять надо дармоедов», – подумал Гиранд, а вслух сказал:

– Буду через пять су. Пусть загружаются.

Вестовой убежал. Гиранд взял саблю, но не нацепил, а понес в руке. Уже на ходу он обернулся к торопливо семенящему за ним Зуву:

– Зака как?

– Лежит Зака. Ничего не поела, только воду пьет.

– Пошли, зайдем к ней. Когда-то вернусь? Оставляю ее целиком на тебе. И смотри, сбежит – убью обоих.

– Все будет хорошо, Хозяин. – Зув энергично закивал головой словно это мог видеть широко шагавший впереди Гиранд.

Подойдя к двери, Гиранд сначала осторожно, а затем настойчиво постучался. Не получив ответа, толкнул дверь.

Зака лежала, раскинувшись, на широкой кровати. Светило, отразившись от старинного зеркала, сделало ее лицо желтым, отчего Гиранда хватил озноб: «Жива ли?».

Гиранд в два скачка очутился у кровати, схватил Заку за плечи. Она испуганно вцепилась острыми ногтями в склонившееся над ней лицо, и Гиранду стоило больших усилий оторвать от лица ее не по-женски сильные руки.

– Зака, успокойся: это я, Гиранд. Все хорошо, Зака. – И эта горячность Гиранда поразила и умилила выдавшего Хозяина всяким, стоявшего позади Зува.

– Где Рамитарама, Гиранд? – Зака крепко схватила его за плечи.

– Ее пока не нашли. – Чуть не продолжил: «К сожалению», но вовремя спохватился: «А вдруг поймет все правильно», помолчал одно дыхание, собираясь с мыслями, решил, что кое-какую правду надо открыть:

– Не беспокойся: она жива. Ее видели с дедом

– Где? – Вскинулась Зака.

– Извини, этого я как-то и не спросил. – И самого Гиранда удивил тон своего голоса.

– Я пойду ее искать. – Начала вставать Зака, но Гиранд решительно, но мягко удержал ее:

– Нет, нет, Зака, ты еще слишком слаба. Я быстро улажу кое-какие дела, и сразу отправлюсь искать ее. Поверь, вы мне обе дороги. А ты выздоравливай, не то Рами сильно опечалится, увидев тебя больной. За тобой присмотрит Зув. Верь, ты скоро встретишься с Рами.

– Рамитарамой! – Настойчиво поправила Зака.

– Конечно, с Рамитарамой. – Немного опешил Гиранд от напора в ее голосе. Он, по здешней традиции, сократил имя до минимума. Да и не только здешней. В местечках на окраинах слишком мало народа, чтобы на всех не хватило по одному имени. Но все же имеется немало имен, полное звучание которых трудно запомнить, вот поэтому от полного красивого имени, полученного ребенком при рождении, постепенно оставалось два, а чаще один слог. Но вот прозвище, независимо от длины, слова, и независимо от положения человека прилипает полностью, а чаще заменяет само имя. Не были закреплены словом и семейные отношения, при всем этом, семьи в местечках были достаточно прочны. Обычно, семьи скреплялись голосованием уважаемых людей с последующим гулянием местечкового схода. И разводились тоже голосованием и гулянием, но, если в первом случае праздник собирался за общий счет, то во втором – за счет виновной стороны: как правило, мужчины. В Строгоре и других городках, конечно, были и длинные имена, и имена кланов, и имена семей, зависимых от кланов, и имена семей, независимых от кланов, и... имена семей по профессиональной династической принадлежности. Для Гиранда, по душе – жителя местечкового, эти хитросплетения сложны и малопонятны.

Гиранд, наконец, выпустил Заку из своих объятий. Она бессильно уронила голову на подушку и слабо улыбнулась. Заметив, что Гиранд в форме, спросила:

– Ты что, на войну собрался?

– Ну, какая война? Президент привез указ о присвоении офицерских званий сотникам. – Принялся врать Гиранд. – Вот и пришлось нарядиться по этому случаю.

Но Зака, несмотря на болезненное состояние, смогла уловить фальшь в его голосе:

– Гиранд, ты чего-то не договариваешь. Возьми меня с собой искать Рамитараму.

– Как ты представляешь это, Зака? В машинах солдаты, жара, тряска, а ты – слаба. Я не могу себе представить, как ты сможешь выдержать такую дорогу.

– Тогда я пойду сама.

– Нет, Зака, и не думай.

– Я что, пленница? – Прежняя строптивость начала возвращаться к Заке, и это сильно озаботило Гиранда:

– Да, как ты смогла такое подумать? Я уже не раз говорил, как ты мне дорога. Ты абсолютно свободна, но большинству из тех бандитов удалось ускользнуть. Вот мы и отправляемся их ловить. И Президент за тем сюда приехал. – Все-таки легко врать, когда ложь и истина идут рядом.

– Маршин здесь? – Встрепенулась Зака: жена Маршина была родом из местечка, где родилась Зака, и, невзирая на возраст, они очень дружны. Благодаря Ламаре, Гиранд и познакомился с Закой. – Ламара и Гитана тоже здесь?

– По нынешним-то дорогам? – Он недобро усмехнулся. – Конечно, нет, ни Ламара, ни Гитана не приехали. Да и Маршин, видимо, уже подъезжает к Ильпу. И мне пора. – Гиранд не удержался, нагнулся и чмокнул Заку в щечку.

– Ой, какой ты колючий! – Воскликнула Зака, вынудив его вспомнить, что не брлся с начала операции, считай, пятый день.

– Пока. Будь умницей, Зака. – Стараясь скрыть переполнявшие его чувства, Гиранд решительно вышел из светелки.

3. Кровь и боль Ильпа

Вопреки опасениям, полет рейдера и на слабом магнитном поле Драмины оказался мягким, и потому некоторым бойцам удалось «надавить на глаз», пока рейдер искал Ильп. Сопровождающий то ли специально запутывал их, то ли, действительно, не знал трассы, но через полчаса полета заявил, что местность, над которой они летели, ему незнакома, надо принять правее, потом еще правее. Потом еще, пока пилот не показал, что летают по кругу.

– Увидишь внизу селение, сажай аппарат, там разберемся. – Корн тронул за плечо всматривающегося в землю пилота. Воррн, сидящий в кресле рядом с пилотом, согласно кивнул головой. Ему самому такая простая мысль почему-то не пришла. Это не раздосадовало, а наоборот, заставило по-иному посмотреть на своего помощника.

– Нравится? – Заинтересованно спросил он Корна: все время пути Корн неотступно следил за действиями пилота.

– Конечно. Я же – летчик. Военный летчик. – Корн слегка погрустнел.

– Сможешь справиться? – Воррн испытующе смотрел на него, как бы проверяя на прочность.

– Справиться? – Корн прикрыл глаза, припоминая действия пилота. – Думаю, смогу, если потребуется. – Но глаза не открыл, раз – за разом прогоняя в мыслях действия пилота. – Да, думаю, смогу.

– Как, Капитан, уступишь место? – Воррн, при этом, подмигнул пилоту.

– Конечно. Не вопрос. – Пилот щелкнул тумблером автопилота и решительно встал с места. – Прошу.

Корн не поверил в реальность происходящего, но пилот решительно отступил за кресло, и Корну, воля-неволей, пришлось занять его место.

Рейдер откликнулся на руку на джойстике миганием индикаторов. Пилот нагнулся и выключил автопилот. Джойстик сразу обрел как бы твердость, создавая сопротивление, не дающее возможность излишне резким манипуляциям. Радость полета захлестывала, но одновременно Корн догадывался, что рейдер не совсем однозначно реагирует на его маневры, о чем и сообщил пилоту.

– Молодец. В работе – корректор. Его используют, в основном, для новичков. – Пилот узнал «родственную душу» и с удовольствием посвящал Корна в тайны рейдера.

– Тебе, я понял, этого уже не нужно. Внимание, отключаю. – И щелкнул еще одним тумблером у себя над головой.

Рейдер отреагировал крутым виражом, от которого слегка придавило виски, и предупреждением об опасном управлении. У Корна от напряжения вспотели ладони, но рейдер он благополучно выровнял, и теперь чуткая машина, «признав» твердую руку, слушалась его. Наслаждаясь полетом, он чуть-чуть не пропустил двух путников, пробирающихся по давно нехоженой тропинке.

Воррн коротким кивком подтвердил решение Корна на контакт с ними. Корн попытался уступить место пилоту, но тот, касанием плеча рукой, настоял и на выполнении посадки. Рейдер, продолжая подчиняться воле Корна, плавно скользнул вниз и мягко опустился на полянку прямо перед путниками. Скрыться им было негде, и они: молодой мужчина с девочкой лет пяти-семи, – остановились, готовые оказать, хоть, какое-то сопротивление.

Воррн с Корном неспешно спустились по трапу вниз. Воррн, единственный, кто знал приемы общения на Драмине, как мог, показал, что они без оружия и не сделают путникам ничего плохого.

– Воррн. – Радостное восклицание в коммуникаторах застало их врасплох.

– Да. – Воррн круто остановился и оглянулся, ища автора вопроса.

– Здравствуйте, Воррн. Не узнаете? Я – Ларак. – Мужчина снял широкополую затрапезного вида шляпу и уродливые очки и улыбнулся, застенчиво и нелепо пожимая плечами. – Весь пропах ароматом крumpру, и теперь приходится защищаться от самцов эгик: после их укусов волдыри не проходят несколько дней. А вот Рамитараму они совсем не трогают...

– Рамитараму? Уж не та ли это Рамитарамма – правнучка доктора Геликатона, дочка Заки и Сата? – Удивленно спросил Воррн.

– Та. – Ответила девочка и тихо-тихо всхлинула.

– На Заку в Ильпе напали какие-то негодяи и утащили в лес. Рамитарамма пыталась защитить мать, ее сильно ударили, она упала, потеряла сознание, а когда очнулась, оказалось, что ничего не видит. Не понимаю, как она добралась до Родо, – это же около а-пу та, – слепая, голодная. Я, как увидел ее, чуть дара речи не лишился. – Ларак разгорячился, из глаз потекли слезы. «Он что, не драминянин», – подумал Корн, и Воррн «услышал» его и сразу ответил: «Не совсем. Его предки, понятно, с одной стороны, с Гота. Как узнал?» – «Драминяне не плачут» – «Да? А я и не замечал. Ларак – известный ученый, его знают далеко за пределами Драмины. Побывал на многих планетах».

– Шла-шла, – и пришла. Меня дедушка звал. – Рамитарамма говорила об этом, как о само собой разумеющемся.

– А где сейчас доктор Геликатон? —

– Доктор ушел на Тору искать траву боксу, а Рамитарамма все рвется искать мать. Утверждает, что Зака жива и ждет ее. А еще Рамитарамме нужно найти светлого человека. – Информация сыпалась из него, как из мифического Рога Изобилия, но Рамитарамма перебила:

– Вот – Светлый. – Она рукой указала на Корна. – Светлый, ты поможешь маме?

– Конечно. Я для этого сюда и прилетел. – Слова вылетели сами собой, и он испытал такое угрызение совести, что хотелось сквозь землю провалиться.

– Для другого. – Вздохнула Рамитарамма.

– Но маме, все равно, помогу.

– Конечно. Я знаю. А еще там – светлые. – Показала рукой на рейдер. Постояла словно что-то высматривала и твердо сказала:

– Темных здесь нет. Серые есть. Темных нет.

Легкий озноб прошел по коже не только Корна, но и Воррна, хотя, он и обладал некоторыми ментальными способностями.

Чтобы немножко разрядить обстановку. Воррн спросил:

– Здесь-то что делаешь, Ларак?

– Начинается последний этап вегетации крumpру. Бабочки уже отложили яйца в плоды и сейчас активно поедают листья эфы, запасая строительный материал для будущих жилищ потомства. Раньше этому периоду придавали маловажное значение. Никто не замечал, что эфа до этого дня не раскидывает новых корней, не растет вверх: как бы спит. А с этих дней просыпается: корни увеличивают свою длину на сотни толов и способны пройти под руслом неглубокой реки. Ветки поднимаются вверх на высоту в несколько толов, сплетаясь в клубок, который уже никогда невозможно распутать. На следующий год все это обрастет листьями и под их тяжестью осядет, уплотнится. – Ларака уже понесло, но Рамитарамма потянула за рукав:

– Ларак, пошли искать маму.

– А вы куда направляетесь? – Спросил Воррн.

– Сейчас в Ильп. Именно там пропала Зака.

– Тогда давайте с нами. Заодно и дорогу покажете, а то наш проводник совсем заблудился. Ну что, Рамитарамма, летим.

– А как мама?

– Так мы туда и летим.

– Летим. – Девочка впервые за все время улыбнулась и без всякой помощи пошла к рейдеру.

Корн сел уже на свое место. Пилот улыбнулся и предложил продолжить управление аппаратом, но Корн ответил отказом, мотивируя отказ необходимостью подготовиться к действиям.

– Каким действиям? Что-то уже прояснилось? – Встрепенулся Сибурн.

– Пока ничего. Единственное что добавилось, так то, что пропала мать этой девочки. Похоже, тебе придется начинать именно с ее поисков. – Воррн положил ему на плечо руку.

– Сделаем. – Ответ Сибурна не понравился Воррну и он посуровел:

– Задача непростая, Сибурн: неясен ни район поиска, ни мотивы похищения.

– Она похищена? Так бы сразу и говорили. Получается: есть, от чего плясать.

– Что?? – Вскипел Воррн, но Корн успокоил:

– Присказка такая: означает, есть точка, с которой начинать дело.

– Удивляете меня, парни, своим языком. – Воррн примирительно пожал Сибурну руку. – Иногда слушаешь вас, думаешь, для чего в вашем языке столько слов, а потом понимаешь красоту и точность сказанного, завидно становится.

– Иल्प перед нами. – Оповестил пилот. – По шоссе в сторону городка движется колонна из семи, нет, девяти машин.

– Впереди еще четыре. С флажками. – Добавил Сибурн, ставший рядом с пилотом. – Вон, там, левее.

– Это Президент. – Подтвердил сопровождающий их офицер. Радости в его голосе не было: задание, вероятно, провалено, перспективы – не радужные.

Рейдер быстро нагнал первые машины, которые в городок не въехали, а повернули направо. Все повернули голову в ту сторону и увидели огромную толпу. Несколько человек отделились от нее и двинулись навстречу президентскому кортежу.

– Что делаем? – Лицо Воррна было напряжено. – Осматриваем сверху, или разбираемся сразу на месте?

– Логичнее разделить. – Предложил Корн. – Мы двое с двумя звеньями высаживаемся и идем к месту. Рейдер с остальными зависает и контролирует сверху.

– В общем, так. Высаживаемся я и разведка. Корн, как и положено тактик-корректору, остается в рейдере и принимает решения по обстоятельствам.

Рейдер выпустил восемь человек и поднялся в воздух. Корн сел на место Воррна, и пилот кивком указал ему на джойстики у Корна под руками: тебе, мол, и карты в руки.

Корн повел рейдер по пологой параболе, незначительно захватывая городок. Улицы его словно вымерли, одноэтажные, реже двухэтажные домики, неровные заборчики, – то, что характеризует окраины, наверное, многих городов, редкие прохожие, торопливо скрывающиеся при виде рейдера...

«А где те машины?» – Мелькнула мысль. И Корн, заложив крутой вираж, вывел рейдер за пределы городка, туда, где заметили колонну. Машины представляли собой нечто среднее между автобусами и грузовиками. Небольшие окошки закрыты цветными занавесками, занавешены с боков и водительские места, поэтому сидевших в машинах рассмотреть не удалось. Но, уже, когда он вводил рейдер к городку, Корну показалось, что рядом с рейдером прошла автоматная очередь. Не успел он сообщить об этом пилоту, как тот показал на засветившуюся надпись. «Атака», – перевел он, зная, что десантников не слишком учили читать. Вступать в бой неизвестно, с кем, – глупо, но и держать колонну под контролем необходимо. Корн не сразу, но все-таки решил пройтись над толпой и, главное, над большим неподвижным темным пятном: похоже, эпицентром чего-то грандиозного, поскольку собрало около себя несколько сотен горожан. Пилот понял маневр и навел туда объективы камер.

– О-е. – Не удержался Корн и оглянулся назад, ища глазами девочку: Рамитарам мирно спала в уголке на меховой куртке Сибурна. «Слава богу!». – Вздыхнул он: видеть такое,

но тут же опомнился: девочка слепа, но от этого понимания не стало легче. Внизу в огромной яме лежала масса трупов, сваленных, как попало. Часть из них, похоже, была уже засыпана бульдозером. Он, все еще работающий, стоял рядом, и двое мужчин отбивались от десятка разъяренных людей: большей частью, женщин.

Корн связался с Воррном и доложил об увиденном. Получив информацию о колонне и предполагаемом обстреле, Воррн решил, что рейдеру лучше держаться за толпой на высоте, доступной для контроля.

Корн, уже активно осваивающий аппарат, включил звуковой прием: в рейдер проник неразборчивый шум. Он уже потянулся к выключателю, но пилот включил другой тумблер и постепенно из шума начали выделяться сначала отдельные слова, затем фразы. Пилот указал на еще один джойстик, показал на уши. Оказалось: при работе джойстиком можно выделять нужные фрагменты из всего многоголосья.

Корн решил начать прослушивать с окружения Президента. Конечно, понять там хоть что-то удалось еле-еле. Президент, как заведенный, постоянно обещал во всем разобраться в течение то двух-трех дней, то немедленно, и, в зависимости от его слов, толпа то на мгновения утихала, то взрывалась новым всплеском истерики. Все кричали о ни в чем неповинных убиенных, требовали мести, кто-то кричал о походе на столицу с целью требовать справедливого расследования.

Корн видел, как Воррн в сопровождении десантников пробирается к Президенту. Но толпа людей становилась все плотней, и выполнить это становится сложней и сложней.

Наблюдая за происходящим внизу, они пропустили главное – момент прибытия колонны. Корн обратил на нее внимание, когда машины начали веером попарно располагаться на окраине небольшой рощицы, напротив злополучного рва. «Вот тебе и корректор», – обругал он себя и скомандовал: «Весь контроль – на машины!».

Сначала там ничего не происходило. Потом распахнулись дверцы, – и из них начали выпрыгивать люди в защитной одежде и скрываться позади машин. Затем и на поле наметилось хаотичное перемещение людей в такой же форме.

Потом распахнулись по еще одной дверце на одной из каждой пары машин, и из них показались отливающиеся золотистым цветом раструбы и шестигранники.

– Не уничтожены, значит, установки. – Нервно стукнул по своему колену пилот.

– Вниз! – Крикнул Корн и вскочил с кресла. Надеть жилет, установить ствол, подсоединить кабель – дело секунд, но ему показалось, что копается слишком долго.

Дольше шла посадка. Люди, стоящие внизу, бросились врассыпную, но требуемая площадка освободилась не скоро. А Корн уже нетерпеливо рвал люк на себя, и когда ощутил толчок приземления, сторгал от нетерпения, ожидая опускания трапа.

А дальше – все как в тумане: солдаты, бегущие к машинам, что-то кричащие офицеры в ярких мундирах, и метрах в двухстах прорези дверей на четырех машинах. Страшная догадка уже пришла к Корну. Более того, пришло понимание, ЧТО произойдет сейчас.

«НЕТ!» Он кричал, или нет?

Зеленовато-голубая молния соскользнула с острия ствола и воткнулась в крайнюю правую машину, в ее темнеющий проем с золотистым раструбом посередине. Машина мгновенно вспыхнула, затем мощный взрыв разорвал ее в клочья. Порыв жара и чада едва не сбил Корна с ног, но он действовал уже, как на автомате: молния, зацепив несколько исступленно орущих голов, уже врезалась во вторую машину. Там взрыва не последовало, но из нее выпал разрезанный человек и разваливающаяся на части установка.

Он не заметил, как отстрелилась первая батарея и шлепнулась, дымясь, в лужу. Он не заметил, как носком ботинка Сибурн откинул ее подальше, – и вовремя: батарея уже в полете взорвалась, разбрасывая горячие куски металла и пластика.

«Мальчик еще слишком мал, чтобы противостоять змее. Это невероятно длинное чудовище только что убило его отца, и теперь ее голова угрожающе покачивается перед мальчиком. Отец еще жив, но у них нет противоядия, а до ближайшего селения много километров. Мальчику страшно: страшно быть ужаленным змеей, страшно, что он ничем не может помочь отцу, страшно бежать за помощью, страшно остаться одному, когда умрет отец. Страшно, кругом, страшно.

Змея угрожающе шипит, но не нападает, и не уползает.

Мальчик замахивается на змею палкой, – и змея мгновенно принимает боевую стойку. Отец, почему-то, кричит, что змея не виновата, что она так защищает своих детей. А мальчик совсем не понимает его, и пытается отогнать змею от отца. Она бросается в атаку, но промахивается. Шипение уже сзади. Мальчик бежит, уводя змею от отца, но песок скользит под ногами, – и мальчик падает в вихре песка и пыли. Змея, уже начавшая очередную атаку, снова промахивается. Мальчику опять попадает под руку палка, и он бьет ею змею по голове, которая снова поднялась над мальчиком. Бьет опять, опять, опять, бьет до тех пор, пока змея не падает замертво на песок. «Зачем ты так, сынок?», – с укоризной кричит отец. Мальчик размазывает по лицу грязные слезы и кричит, что она виновата: она убила отца и хотела убить его.

Отец пытается убедить, что нельзя быть таким жестоким, что теперь детки змеи остались одни, и потому погибнут. «Ну и пусть», – кричит мальчик, – «Зато, теперь они никого не убьют».

До первых лучей солнца они жгут маленький костер, пытаясь хоть как-то спастись от стужи, сменившей дневную жару. Всю ночь отец объясняет мальчику, что надо быть добрым, что зло порождает только зло, что он уже не маленький. В тринадцать лет пора осознавать свои поступки. Аркадий Гайдар в четырнадцать лет уже командовал полком. Под утро отцу становится совсем плохо, только забота о сыне удерживает в нем остатки жизни...».

Машина с последней установкой взорвалась так же, как и первая: с кроваво-черным облаком да широко и высоко разлетающимися кусками металла и пластика. Когда-то теперь узнается, что было в тех машинах? Корн видел сквозь кровавую пелену сознания, как на больших скоростях удирают другие машины, как, бросая оружие, разбегаются солдаты, догадываясь, что по безоружным людям этот страшный человек стрелять не будет, но воспринимал все это, нет, не за игру, а за что-то происходящее совсем не с ним.

«Почему этот человек бежит по пустырю, размахивая игрушечным пистолетиком? Почему он смеет кричать на Воррна? Почему орут и трясут своим оружием эти напыщенные „петухи“ – офицеры? Зачем так много крика, от которого раскалывается на куски голова?».

Корн отрешенным взглядом смотрел, как разряженные, как куклы, офицеры, кто криками, а кто и кулаками, пытаются выстроить в цепь около сотни солдат. «Что еще они хотят сделать?», – все еще находясь в тумане, удивился Корн. Он увидел, как цепь неуверенно, но, все же, пошла на горожан, раздались выстрелы. «Этого не может быть, что-то тут не так...?», – он поискал глазами Президента, но того нигде не было видно. Может, уже убит? Поверить в то, что все это затеял Президент, он не мог. И не мог не верить своим глазам: горожане начали суетливо разбегаться, некоторые падали, сраженные выстрелами. И тогда Корн снова поднял свое смертоносное оружие.

Но как стрелять по живым людям? До этого были машины, и, хотя, он не мог не понимать, что и в них были люди, но тогда-то он стрелял по машинам. Рука опустилась сама.

«А змея вернулась. Вернулась, чтобы вслед за отцом убить и его. Она неуловимо быстро ползла по песку, – и мальчик не успевал, слишком не успевал. Зыбкий песок предательски стекал вниз с дюны и уползал из-под ног, – и мальчик упал. И змея тут же воинственно поднялась над ним, И тогда в отчаянии он швырнул в нависшую над ним голову горсть песка, – и змея промахнулась: длинное тело пролетело мимо, обдав мальчика песчаным вихрем. Мальчик, набрав новую горсть, ожидал следующую атаку. Но змее, видимо, хватило предыдущей

ошибки. Отец уже бредил, теперь он не мог помочь ни делом, ни советом. И только сам мальчик должен отменить смерть».

Но Смерть оказалась впереди, и посылали ее красочно одетые офицеры. Корн поднял левую руку, – и голубая струя легко срезала несколько фигур, которые прямо на глазах сложились пополам, затем, разбрасывая искры, прошла непосредственно перед цепью. Цепь в панике распалась, рассыпалась на отдельные звенья: солдаты заметались, снова бросая оружие, но бежать им стало просто некуда, и они начали торопливо поднимать руки.

Окончательно в реальность начал возвращать негодующий крик Президента, который, оказывается, все время стоял рядом и теперь безумными глазами внимал весь ужас происходящего. Но безумие поселилось не только в глазах, но и в сознании. Он, брызгая пеной у рта, подскочил к Корну и, сотрясая кулачками, начал кричать про беззаконие, про Конституцию и нести другую лабуду, которую Корн почитай не слышал. Наконец, Президент скатился до того, что потребовал арестовать десантников.

И тогда еще горячий ствол уперся ему в грудь, а спокойный голос чужого человека на чужом языке оказался убедительнее самого тщательного разъяснения: «Немедленно прекратите операцию!». Еще убедительнее оказалась огненная полоса перед вновь попытавшимися показать ретивое офицерами.

«Ретранслятор», – Крикнул Корн, и пилот немедленно выполнил приказ.

Слова, слегка усиленные установками ПНЛПИ, как разъясняли в Центре, поразили Президента до онемения:

– Внимание всем! Временно управление чрезвычайной ситуацией переходит под юрисдикцию Верховного Трибунала. Следственная Комиссия Трибунала приступает к работе немедленно. Просим всех граждан содействовать работе Комиссии. – Корн не знал, существует ли такая комиссия, а если существует, то какие полномочия имеет, но именно это само пришло в голову, а, сказав «Аз», говори и «Буки». – Возглавляет Комиссию заместитель Председателя Верховного Трибунала Адмирал Флота Воррн. – Из сказанного последним неправдой было только «заместитель» да и то только на время операции, ибо на эту должность Воррн и переходит.

Корн оглянулся, ища Воррна глазами. Тот подавал ему отчаянные знаки, но Корн продолжил:

– Слово предоставляется Председателю Комиссии Адмиралу Флота Воррну.

И тому ничего не оставалось, как встать рядом с Корном. «Ты что творишь?», – прошептал он сначала. «Закон», – в полный голос ответил Корн.

Рядом все еще продолжал сыпать угрозы и проклятия обиженный Президент:

– Это беззаконие. Я буду жаловаться.

Корн настоятельно взял его за рукав и отвел в сторону:

– Не позорьте себя, господин Президент. Народ смотрит. А насчет жалоб, мы сможем сегодня же соединить Вас с кем Вам угодно. А заодно проконсультируемся об оценке действий облеченных властью людей.

Президент мгновенно стих и стал неприметен среди внимательно слушающих Воррна горожан и военных.

Когда же Воррн пригласил его выступить перед горожанами, Президент долго и нудно твердил о необходимости наказания виновных и, что он приложит все силы для этого. А на выкрики о его месте в конфликте ответил путано и противоречиво, тут же быстро свернул свою речь, в конце подтвердив полномочия «Комиссии».

Корн еще раз внимательно оглядел всю площадь: в пределах видимости, как говорится, значительных разрушений нет, в отдалении еще догорают, нещадно чадя, уничтоженные им машины, но люди уже не мечутся хаотично, а в большей массе стоят и внимательно слушают Воррна, однозначно признав его власть. Некоторые мужчины помогают раненым. Несколько

женщин рыдают, стоя на коленях возле наполовину засыпанного рва. И только теперь, когда вдруг пропала потребность в активных действиях, Корн ощутил гнетущую опустошенность. От нечего делать он отошел за рейдер и сел на небольшой пенек. До него только сейчас стала доходить суть случившегося, или содеянного. И вместе с этим пришла боль от стыда и раскаяния за уже второй раз возникшее состояние неконтролируемой агрессивности. Он смотрел на лица стоящих вокруг людей, которые кто с надеждой, а кто и с ненавистью слушают длинную речь Воррна, и вдруг содрогнулся от мысли, что все могло закончиться несколько минут назад, и сотни новых трупов пополнили бы этот ужасный ров. Чей изощренный ум был готов на такое чудовищное преступление? Как хочется верить, что это всего лишь сон, что, проснувшись завтра, о нем уже и не вспомнишь. Вряд ли! Не такой ли ум развязал кровавую драму на Украине, не такой ли ум истязал, а потом убивал самых близких Корну людей. Что только активное вмешательство Конфедерации предотвратило Третью Мировую войну, Корн, уже находясь в Центре, узнал, что хронометры отсчитывали уже последние секунды существования Человечества, когда сотни рейдеров «пришельцев» заблокировали командные пункты, ракетные установки и подводные лодки. Они же уничтожили уже поднявшиеся в воздух ракеты и вынудили вернуться обратно бомбардировщики.

4. Последние часы Корна

Гиранд снова опоздал. От досады он пребольно саданул себя по колену. Возможно, если бы не опоздал вчера, не пришлось бы возвращаться в Ильп сегодня. Конечно, после драки кулаками не машут. Кто вчера мог подумать, что у храмовников возникнут проблемы. Сначала с машинами. Как только владельцы большинства машин узнали о характере груза, они сразу пошли на попятную. Пока храмовники искали другие машины, пока потом они добирались по бездорожью, бойцы Гиранда от безделья решили пройтись по теперь бесхозным дворам. И это привело к другим непоправимым последствиям. Так или иначе, но грабители нарвались на оставшихся в живых горожан. Удивительно, как быстро сработал «языковой телефон». Когда Гиранд подъехал к пустырю, его «армия» уже спасалась от гнева горожан паническим бегством.

А дальше, как говорится, и смех и грех. Напрасно подъехавшие храмовники стали убеждать собравшуюся огромную толпу, что с помощью Храма невинно убиенные обретут счастливую загробную жизнь. Все, мол, что от их родственников требуется, это согласиться отдать трупы Храму.

Ох, не знали, видимо, храмовники северян! Хотя, как, не знали? Ведь Гиранд самолично убеждал их отказаться от безнадежных планов. Любому, кто, так, или иначе, сталкивался с бытом северян, известно, что умерших они сжигали: когда-то на кострах, а теперь в специальных печах. Лишь, в условиях войн, когда численность погибших зашкаливала, хоронили их в общей могиле, на которую при первой возможности насыпали высокий курган.

Понадеялись на свое умение убеждать? Гиранд, успев вовремя ретироваться, честно говоря, не без удовольствия наблюдал, как резво убежали они по окрестному леску.

Возвращаться на пустырь было небезопасно, поэтому Богат лихо развернул машину посреди леса, и они поспешили к себе в Гард.

Насильников и женщину, которую те волокли, первым заметил Богат. Он же и узнал в женщине Заку.

И опять Гиранд чуть-чуть опоздал. Когда он, с трудом преодолев мелкий, но густой кустарник, выбежал на поляну, Собл уже, густо разбрызгивая кровь, извивался на траве. Потом никто так не мог объяснить, каким образом Зака умудрилась выхватить с пояса Ректела-одноглазого кинжал и воткнула его в шею Собла, который, было, поволок ее дочь в кусты. Впрочем, она же – северянка.

И вот он опоздал в третий раз за два дня. Догорающие машины с установками были красноречивее любых слов. Недостающие штрихи в открывшуюся взгляду Гиранда картину добавила окруженная группа его бойцов. И это оправдало бы его решение, но он, совсем, не собирался оправдываться. Он просто обязан закончить начатое дело. Машина стояла на удобной позиции и в боевом развороте. Оператор установки забился в угол, но его помощь уже не требуется. Во время движения он сумел объяснить Гиранду все, что требуется. Впрочем, многого и не требовалось. Установка уже была выведена в рабочий режим. Одно плохо: мощность надо наращивать постепенно, иначе сработает защита.

Гиранд сел за пульт и сразу нажал кнопку «Пуск». Попробовал вывести регулятор чуть-чуть сильнее, чем можно, как тут же последовало предупреждение, что защита начала обратный отсчет. Пришлось вернуться на начальную отметку. Гиранд не зря спешил. Не зря.

Успел он вывести установку только на треть мощности, когда увидел ЕГО. И это означало только одно: это был КОНЕЦ. Инстинкт самосохранения вовремя выбросил Гиранда из машины.

Не помогают отцовские житейские заповеди, не способен он перебороть в себе сводящую с ума боль. Всегда она выжигает душу дотла. И то, что сегодня он нанес ощутимый удар по злу,

не очистит израненную душу, в конечном счете, зло притаилось где-то рядом, оно готовит новые нападения, чей-то пронзительный крик уже обрывается в страшной агонии. Боль. Боль. Совсем нестерпимая боль. А следом неведомая сила поднимает его вверх, а другая сгибает пополам, выворачивает наизнанку все нутро, плющит и разрывает беззащитную слабую плоть. Вокруг замелькали перекошенные от ужаса лица. Обезумевшие люди начали падать на землю, где-то началась беспорядочная стрельба.

Корн закрыл лицо руками, как бы собирая волю в кулак: этому приему научил его отец. Но прием помог лишь отчасти.

Вероятнее всего, заработала еще одна установка и, возможно, более мощная.

Об установках им давали только общие знания, – их разрушительная сила обуславливала и повышенную секретность. Более того, землян среди спецов оказалось немного. Но кое-какие представления были получены.

Надо определить, откуда она работает. Но как это сделать, если перед глазами мечутся разноцветные круги, а мозги выворачивает наизнанку, если уши разбухают от звукового давления. Корн подсознательно упал на землю, и на том же подсознании он пополз к рейдеру, – только там может быть реальная возможность укрыться от убийственных волн. Он несколько раз срывался с трапа, но снова и снова упорно карабкался вверх. Наконец, ему удалось ввалиться в рейдер и закрыть люк. Давление на мозг медленно спало, хотя, цветная карусель еще продолжала в глазах свою пляску. К нему на помощь бросился пилот, помог подняться на ноги, и тут же кто-то потянул его за рукав. Корн посмотрел вниз и увидел девочку.

– Рамитарاما?

– Они вон там, за деревьями. – Девочка показывала рукой на борт рейдера. Корн как-то слишком тупо удивился: как, – она же слепая. Но разбираться в этом было некогда. И высматривать было некогда. Выведя оружие на полную мощность, Корн резко оттолкнул люк. Волна боли навалилась опять, но в пределах рейдера была намного слабее, и за те короткие мгновения, пока она набирала силу в его голове, он успел вычислить установку. Смерч голубого огня вырвался из ствола и ринулся к деревьям, где немедленно начал свою смертоносную пляску. Страшная сила разрывала деревья, как свечка вспыхнуло небольшое, всего скорее, деревянное, строение, и тогда позади его раздался сильный взрыв, вместе с которым мир начал обретать свои очертания. «Поливал» бы он ненавистную зону до полной разрядки батарей, но от перегрева лопнул кристалл, и ствол отключился.

– А он убежал. – Снова настойчиво потянула Корна за рукав Рамитарاما.

– Кто убежал? – Не понял Корн.

– Тот, который стрелял. Плохой. Совсем Черный.

– Куда? – Не время узнавать, что означает «черный» в ее устах, хотя, надо бы, поскольку она говорит это не впервые.

– Туда. – Девочка показала рукой в сторону бесконечных зарослей. – Но я его больше не вижу.

«Но я его больше не вижу...», – Эта простая фраза как током ударила: слепая девочка «увидела» сквозь борт рейдера за укрытием машину с установкой, «увидела» убежавшего человека, на какие чудеса еще она способна?

– Светлый, когда мы пойдем искать маму?

Как же ей объяснить, что не знает он, при всем своем желании, где искать ее мать, да и жива ли ее мать?

– Мама жива, но ее здесь нет. Я ее видела, мама спит в большом красивом доме. У мамы еще очень болит голова, но она скоро поправится.

– Скажи, Рамитарاما, а нет ли там плохих дядей? – Сейчас самое важное – выяснить, находится ли Зака в заточении, и не угрожает ли ей опасность.

– Нет, там есть только один, но он не военный, он не делает маме плохо.

– А около дома плохих дядей нет? – Корн понимал, что задает вопрос, бестактный, по сути, в силу непомерных требований к таланту девочки.

– Извините, я этого не вижу. – Голос девочки сник, – она же не смогла помочь Светлому в поисках мамы.

– Прошу тебя, Рамитарам, не расстраивайся. Мы обязательно найдем твою маму. Сейчас придет Сибурн... – Корн присел перед ней на колени, как можно ласковей прижал ее к себе.

– Это второй Светлый? – Обрадовалась девочка.

– Да, это второй Светлый.

– Это хорошо. Сибурн – хороший. Корн – хороший. Воррн... – Не договорив, она начала к чему-то как бы прислушиваться, лицо ее сразу расцвело радостной улыбкой:

– Дедушка пришел. Пойдем к нему. Пойдем. – Она, прямо, повисла у Корна на рукаве.

Он легко подхватил ее на руки, отчего девочка сначала испугалась, но сразу же успокоилась, только очень уж нетерпеливо подергивалась, торопя встречу с дедушкой.

Они еще спускались по трапу, а на него тут же набросился седовласый старец. В сердцах он занес над Корном свою суковатую палку, но все же не ударил.

Смерив Корна быстрым пытливым взглядом, он угрожающе прокричал. – Сгинь, нечисть.

– Дедушка, ты что? Это же Корн. Он – светлый. – Испуг девочки разом охладил пыл старика, но он не сдавался:

– Какой же он светлый, если он корн?

Корн застыл в недоумении: «Что значит „если он Корн“?».

– Да нет, он не – корн, он – светлый. – Девочка чуть не кричала.

– Что-то я не пойму. – Недоумевал дед. – Он – корн, или не корн?

– Корн. – Неуверенно произнесла Рамитарам.

– Тогда, чего ты мне голову морочишь, если он – корн. – Гнев деда снова начал расти, но Рамитарам крепко охватила Корна за шею:

– Все равно, он – светлый.

Упрямство девочки весьма удивило и несколько смягчило деда:

– Ладно, ладно. Сдаюсь. А где этот несносный Ларак? Эту палку я на него приготовил.

– Не надо на него палку. Ларак ушел искать маму. Он уже скоро вернется.

Ответ, похоже, вполне удовлетворил деда, и он приступил к допросу Корна:

– А ты кто? И что тут происходит?

И только Корн собрался с мыслями, как услышал знакомый голос:

– А это и есть великая Вселенская тайна. И я приказываю немедленно задержать этого самого опасного во всей Вселенной шпиона по имени Геликатон.

Старик не по годам стремительно развернулся на сто восемьдесят градусов и широко раскинул руки:

– Воррн! Это ты, старый несносный бродяга? Долго же тебя у нас не было.

Они долго обнимались, мяли бока, награждали друг друга разными эпитетами и тумаками так, что Рамитарам, без преувеличения, испугалась:

– Ой! Им же больно.

Все, кто стояли рядом, после ее слов невольно засмеялись, а Корн снова удивился, как внимательно она «смотрела» то на молотящих друг друга деда и Воррна, то на окружающих их людей, а потом и сама, зараженная общим смехом, заулыбалась.

Наконец, все постепенно успокоились: требовавшаяся разрядка сделала свое дело, – довлеющее над всеми напряжение сменилось озабоченностью, но она не была уже настоль взрывоопасной.

– Дела плохи, Геликатон. Сегодня вот, благодаря Корну, удалось избежать многих новых жертв, а чего ожидать завтра?

– Да? Тогда уж извини, парень. – Геликатон склонил перед Корном низко голову, но упрямо добавил:

– А имя все же смени.

– Не понял, а при чем здесь имя? – У Воррна от недоумения сложилась глубокая складка между бровями. Геликатон подтянулся к его уху и стал оживленно шептать.

– Да-а! – Почесал затылок Воррн. – С таким именем здесь памятник, точно, не поставят.

– Что? – Не понял Корн.

– Меняем имя, корешок. – Подтолкнул его под бок СибуРН. – А то и в деле неудобно: Воррн, Корн – не всегда сразу и разберешь.

Со всех сторон посыпались имена: Светлый, Лучик, Корешок... Больше всего старалась Рамитарам. Корну хотелось ей угодить, но кроме «Светлый», что тоже выходит за общепринятые требования, имена, ею предложенные, не были звучными. И вот СибуРН назвал: «Лучник». «Почему, Лучник?» – А чтоб никто не догадался. – Отшутился он.

В переводе имя не звучало: было длинно и не звучно. Но Корну понравилась двусмысленность его русского звучания, и он выразил свое согласие. Когда СибуРН объяснил это остальным, все согласились. «Ты согласна?», – спросил Корн Рамитараму. «Конечно», – согласилась она. Так Корн стал Лучником.

– А где Президент? – Спихватился Воррн. – Кто-то его видел?

Все принялись оглядываться, и вскоре безмятежно спящий Маршин Биелоз отыскался в своей машине. Пустая бутылка дорогого вина валялась у него под ногами.

Подошедший Геликатон бесцеремонно растолкал его палкой, приготовленной для Ларака:

– Вставай, несносный пьяница. Заварил кашу, – так и расхлебывай, – нечего разлеживаться.

Маршин, недовольный, что его разбудили, оскорбленно заявил, что у него незаконно отобрали власть, и поэтому он – теперь простой житель планеты и может делать, что хочет.

Но Геликатон не на шутку разозлился:

– Отхожу сейчас палкой, все хотелки пройдут. Власть у него отобрали. Ты сам ее отдаешь. Тебя когда еще предупреждали, что начались грабежи и убийства? Надеялся, что само рассосется? Ух! Смотреть противно. Президент, называется.

Отповедь подействовала, – Маршин, натужно кряхтя, поспешно выбрался из машины и неуверенно спросил:

– Какие дальнейшие планы?

Воррн доложил, что часть бандитов разбежалась, но разведка уже напала на их следы. Очень помогает местное население.

Президент, все еще, вяло поинтересовался, известны ли имена главарей.

– Есть только предположения. Будем искать доказательства. – Воррн сомневался, нужно ли говорить о причастности армии к разбою, но решил, что Президенту надо знать об этом. – И вот еще что, гражданин Президент. Есть веские доказательства, что к нападению на Ильп причастны некоторые подразделения Президентской Гвардии.

– Ах, мерзавцы. Ах, негодяи. – Возмущение Президента внешне казалось искренним. – Как только я получу гарантированные данные, мы незамедлительно примем меры. А сейчас я обязан незамедлительно отбыть по делам. Вы уже взяли на себя всю ответственность. – Он так явно акцентировал на слове «ответственность», что Геликатон не сдержался:

– Слушай, Маршин, отправляйся-ка в свою столицу. Ты уже сделал свое дело, а все остальное – за серьезными людьми.

Маршин с большим трудом, но проглотил обиду. Корн, теперь Лучник, без задней мысли предложил:

– Гражданин Президент, не хотите воспользоваться услугами рейдера?

– К чему это? – Мгновенно отреагировал Воррн.

«Желательно на некоторое время заблокировать Президента», – Лучник сам пошел на мысленный контакт, и это получилось. «Согласен», – последовал мысленный ответ Воррна.

– Ну, я не знаю... Разве, это возможно? – Сомнения глодали душу Президента, но перспектива снова трястись по бездорожью сделала его сговорчивее. – Хорошо. Я согласен.

– Мне бы надо на Родо. – Вмешался, неведомо, откуда явившийся, Ларак. – Там намечаются интересные события. – В ответ на недоуменные взгляды он провозгласил. – Началась последняя фаза цветения крумпру. Разве вы не знаете, что это событие сильно уважающие себя драминяне никогда не пропустят. Мне помнится, и Сибурн, и Корн хотели бы видеть это.

– Летим на Родо. – С ходу провозгласил Президент. – Я не могу пропустить это событие. – И, не раздумывая, отправился к рейдеру, но, вспомнив о своем кортеже, вернулся назад:

– Машины отправляются в столицу. С собой я беру только свою прямую охрану. – Президент, похоже, обрел уверенность, и властные нотки в его голосе уже повергали некоторых в смятение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.